

НОУ ВПО «Институт философии, теологии и истории святого Фомы»

КУРСОВАЯ РАБОТА

По дисциплине: **Религии Древнего мира**

Тема: **Отношение к смерти в архаических религиях**

Выполнила

Студентка 3 курса

Группы 10-11В

Новикова А. А.

Научный руководитель

Чистяков П. Г.

Москва, 2011

План:

- Введение
- 1 Первые захоронения, начало осознания смерти и смертности
 - 1.1 Эпоха Мустье
 - 1.2 Эпоха Ориньяка
- 2 Возникновение представления о душе и загробном мире, как борьба с осознанием конечности бытия
 - 2.1 Душа или «то, что не умирает»
 - 2.2 Загробный мир
 - 2.3 Метемпсихоз
- 3 Контакты с «загробным миром» или «туда и обратно»
 - 3.1 «Почтальоны», «охранники» и не только
 - 3.2 Гости из загробного мира, званые и незваные
- 4 Смерть ужасающая и поиск бессмертия
- Заключение
- Список литературы

Введение.

«Кто такой человек, чтобы ставить высоко череду своих зим, даже если зим этих уже столько, что они согнули его под тяжелой толщей снегов? Так много людей уже прожили и еще проживут свою жизнь, а в конце концов - прорастут травой на холмах»¹

Смерть, являясь, наверное, единственной определенностью в жизни человека любой эпохи, воспринимается нами как нечто статическое, неизменное, фатальное. Отношение современного человека к смерти всегда негативно, если не считать некоторых исключительных случаев, к которым можно отнести суицид, когда смерть воспринимается, как большее благо, нежели события, с которыми человек предполагает столкнуться при продолжении жизни. Еще одним примером можно счесть эвтаназию, проблема которой не так давно широко обсуждалась в СМИ, являющуюся, в общем-то, тем же суицидом, но имеющую причины, которые с точки зрения современного общества можно счесть более уважительными, нежели причины, подвигающие человека к суициду. Что ж, мы пока еще страдание физическое считаем более объективным оправданием, чем страдание моральное, становящееся причиной суицида наиболее часто и совсем не учитываемое во втором случае, разве что, как следствие физических страданий. Это естественно, ведь страдание физическое более для нас очевидно, моральное же мы не всегда в состоянии оценить, к тому же сама психика человека более податлива, нежели физика, следовательно, трагедию, затрагивающую сферу духовную мы воспринимаем с большим оптимизмом, как то, что может быть исправлено с большей вероятностью. К сожалению,

¹ (с) Эхака Сапа

наша медицина пока не нашла эффективных способов восстановления ампутированных конечностей или борьбы с раком на поздних стадиях, потому часто смерть является действительно единственным возможным освобождением от страдания. Однако, как суицид, так и эвтаназия, какими бы не было к ним отношение, в нашем обществе являются деяниями не только не одобряемыми, но и официально запрещенными. Конституция Российской Федерации констатирует «право на жизнь» и совершенно умалчивает о «праве на смерть», как и другие нормативные акты нашего государства, и, следуя такой гуманистической парадигме, врачи бесконечно продляют страдания смертельно больных или проводят реанимацию новорожденных, рожденных с такими отклонениями, что ничего, кроме страдания их впереди не ждет. И все же нельзя не согласиться с тем, что общество к введению «права на смерть» пока и не готово. И здесь причиной, скорее, следует считать возможные и весьма вероятные злоупотребления, связанные как с несовершенством закона, так и с уровнем морали. Тем не менее, независимо от запретов и допущений, люди продолжают умирать от вполне естественных причин. Очевидно, что не под силу этого отменить ни официальным законодательным актам, ни таким «борцам со смертью» как печально известный деятель с весьма жизнеутверждающей фамилией Г. Гробовой. Что ж, позитивно мыслящие наши современники считают, что все это еще впереди, а мы пока остановимся на мысли, что в соответствии со взглядами современного общества, умирать плохо и каждый разумный человек пытается максимально отсрочить это событие. Но ведь как общество не существовало в постоянном неизменном виде, так не постоянны были и его взгляды.

Оценивая прошлое, наблюдатель чаще всего смотрит на него лишь с собственной позиции, выражающей убеждения того исторического периода, в котором он находится. Таким образом, чаще всего общество более ранних исторических периодов предстает перед нами полным жестокости. Если современный человек обратится, например, к «темному» средневековью, где

жертвы лихорадки «сгорают» в собственных постелях (по крайней мере, те, которым посчастливилось оные иметь) не дождавшись помощи от лекарей, которые наравне с отваром ивовой коры, оказывающим хоть какую-то действенную помощь, применяют средства, положительное влияние которых можно обозначить как «весьма сомнительное»: порошки драгоценных камней, ртуть (впрочем, этот металл применялся чаще для лечения заболевания более «щекотливого» происхождения), и другие средства, часто уж совсем магического характера, сопровождая их кровопусканиями (что поделать, использование пенициллина начнется лишь в 1928-м) – он испытает ужас, представив себя на их месте. Не менее впечатляющими предстают и образы казней. Впрочем, от этой меры общество не отказалось и по сей день, в России, конечно, введен, а позднее продлен мораторий, но полностью данное наказание не отменено. Тем не менее, смерть осужденных попытались сделать максимально легкой. Но это сейчас, в период же, который мы взяли для примера, способы уничтожения себе подобного, нарушившего нормы права, либо просто неугодного правителю, были куда разнообразнее, да и целью было не просто уничтожение приговоренного... Что ж, сложно винить предков, тем более что мы не далеко от них ушли, разве что эшафот на центральной площади нам заменил кинематограф, а вот тема не претерпела больших изменений. Человек, скорее всего, никогда не устанет наблюдать за чужой смертью. Раньше палачи соревновались в искусстве сделать ее красочным зрелищем, теперь эстафету приняли режиссеры, сценаристы и операторы, реальные же казни «ушли в подполье» спецучреждений.

Да, отношение к смерти менялось в различные эпохи, однако, сама смерть оставалась и остается неизменной константой нашего мира, можно быть уверенным, что все, когда-либо рожденное рано или поздно умрет, однако, осознание факта смертности – уникальная черта, присущая лишь человеку (впрочем, возможно со временем мы убедимся, что заявление это столь же неоднозначно, как и присвоенный им себе когда-то титул «царя

природы»). Обладание таким осознанием неизменно порождает и отношение к данному факту. Это отношение оказывает огромное влияние жизнь конкретного человека и общества в целом. Рассматривая его, мы можем многое узнать об обществе, эти представления создавшем, о его ценностях, волнующих его проблемах и желаниях его представителей. Смерть всегда являлась и является «краеугольным камнем», на котором держится, по сути, вся культура, поскольку понимание смерти дает ответ на вопрос о смысле жизни человека. Поэтому ничто в такой степени не раскрывает мировоззрение того или иного исторического сообщества его отношение к этому событию, отношение же это мы можем оценить по похоронным обрядам, а в более позднее время и литературным, художественным и другим произведениям.

«Отношение к смерти – это одна из величайших проблем, с которой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в литературе, в искусстве, в философии), но она даже мало продумана. Решение ее предоставлено каждому человеку в отдельности. А ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться, поздно сожалеть о том, что мысли о смерти застали врасплох...» пишет М. М. Зощенко в своей работе «Перед восходом солнца»

Ф. Бэкон выражает наблюдение за отношением человека к смерти в следующих строках: «Люди боятся смерти, как дети потемок, - как у детей этот врожденный страх усиливается сказками, точно так же и страх смерти».

Тема данной работы привлекательна не только тем, что позволяет заглянуть во времена весьма от нас отдаленные, но и возможностью приблизиться к тому моменту в истории человечества, когда незнание смерти, присущее животным, сменилось ее осознанием, отличающим, как упоминалось выше, человека. Осознанием, которое породило в последствии целые миры, более или менее детально описывающие посмертное существование, затрагивающие сам процесс смерти и оказывающие огромное

влияние на жизнь и мораль общества, сами являющиеся отражением этой морали и желаний. Что же такое эти миры? Результат познания человеком в процессе его развития окружающего Космоса, бога и сущности себя самого? Или же величайшая иллюзия, порожденная страхом и желанием защититься от безнадежности осознания конечности бытия?

1. Первые захоронения, начало осознания.

Некоторые исследователи, рассматривая вопрос о возникновении особого отношения к телу умершего в первобытных сообществах, начинают это рассмотрение с достаточно распространенного явления – некрофагии, встречающейся, у людей нижнего палеолита. Например, американский исследователь Э. О. Джеймс и голландский палеонтолог Г. Х. Кенигсвальд пытались связать это явление у синантропа с появлением ранних религиозно-культовых представлений о передаче через поедание тела каких-либо способностей, качеств умершего, однако, большинство исследователей не разделяют их точку зрения и относят явление некрофагии в этот период к нехватке пищевых ресурсов, а не к определенному культу. В целом, достаточно сложно судить об отношении древнего человека к данному действию, а потому мы переместимся в более поздний период – период первых захоронений, которые относят к мустьерскому периоду раннего палеолита (по классификации Г. де Мортилье, сделанной им в 1869г.²).

1.1. Эпоха Мустье

Впервые останки человека интересующего нас периода были обнаружены в 1856 г. на территории Германии в долине, получившей свое название в честь дюссельдорфского евангелического теолога и ректора латинской школы Иохима Неандера, достаточно известного человека своего времени, любившего ее посещать в 1674-79гг.. По-немецки «долина Неандера» звучит как «Неандерталь», она и дала название этому типу

² Существуют и более современные, более подробные классификации, но для целей данной работы их применение излишне.

человека – неандерталец. Человек мустьерского времени по многим своим признакам стоял уже значительно выше древнейших людей типа питекантропа, синантропа и гейдельбергского человека, но главное, – это развитие сознания данного вида человека, о котором мы можем судить по исследованиям его мозга. Как известно, неандертальца от более ранних типов людей отличает, в том числе, и больший его, объем (1300—1600 см³). На следах, сделанных с внутренней полости неандертальских черепов, ясно видно развитие отдельных долей мозга, связанных с размещением центров высшей психической деятельности: разрастается теменная доля, увеличиваются лобные доли, отвечающие за абстрактное мышление. Именно появление такого вида мышления чаще всего и связывают с возникновением веры в сверхъестественное.

Интересно отметить, появление в этот период изделий, не несущих чисто практической функции. Уже в конце периода заметны первые попытки намеренно изменить форму камня не только для того, чтобы сделать из него орудия труда. В мустьерских отложениях обнаружены плиты камня с выдолбленными углублениями, так называемые «чашечные камни». На плите из Ля-Ферраси (Франция) чашечные углубления располагались не поодиночке, а компактной группой и притом так, что в их размещении обнаруживается некая связь. Неандертальский человек ещё не мог нарисовать или вылепить фигуру зверя, однако, можно видеть искусно выполненные красочные пятна и полосы, например, довольно широкие полосы красной краски, нанесённые поперёк небольшой плитки камня, обнаруженной при раскопках мустьерского поселения в уже упомянутой пещере.

И все-таки обратимся к погребениям. Они имеют ряд характерных черт, например, выраженную ориентацию расположения тела – восток-запад, сохраняющуюся до наших дней в современных захоронениях. Скелеты в большинстве случаев обнаружены в могильных ямах, находящихся на периферии пещерных жилищ, так же встречаются захоронения, сделанные в

небольших пещерах, идентичных используемым для жилищ. Покойники обычно лежат на боку в скрюченном положении. Некоторые исследователи прошлого века, например, С. А. Токарев, выдвигали предположение, что появление таких захоронений ни коим образом не связано с появлением какого-либо культа и ограничивали мотивы неандертальцев «полуинстинктивным стремлением избавиться от гниющего трупа», свойственным некоторым видам животных, однако, отмечая «проявление полуинстинктивной заботы о сочлене своей орды, привязанности к нему». Другие предполагают, что такое действие вызвано осознанием социальных связей и зарождением «духа коллективизма», так же можно встретить предположения, например, у В. К. Никольского, о том, что появление погребений связано с «запретом на каннибализм внутри стада». Упомянутые предположения о мотивах, двигавших людьми того времени кажутся маловероятными, так как решение проблемы утилизации тела при желании «оградить себя от гниющего трупа» и проявлении безгливости по отношению к нему, может быть исполнено с гораздо меньшими затратами, нежели проведение его захоронения в том виде и с теми действиями, которые дает археологический материал. Если человек испытывает отвращение к телу умершего соплеменника, он выберет тот способ избавиться от объекта дискомфорта, который сведет к минимуму время контакта с ним. Так же не в пользу этой теории говорит тот факт, что захоронения располагаются вблизи стоянок, а не на значительном от них удалении. Что же касается «социального мотива» - «общества» (здесь термин приводится в кавычках, так как имеет сравнительное значение) известны не только людям, существует масса примеров «обществ» у животных, имеющих так же иерархию и другие элементы, но захоронений у них не возникает, забота об умершем сородиче ограничивается максимум попытками оказания ему помощи, после чего животное, в большинстве случаев, теряет интерес к объекту, либо использует его в пищу. Для животного мира характерен выбор наиболее «прямого» способа решения поставленной задачи, такой подход

обеспечивает выживание вида и отдельной особи. На основании вышеизложенного можно предположить, что культура захоронения не является обязательным признаком развития социальной структуры, напротив, при подчинении личностных интересов интересам общества более логичным выглядело бы отсутствие индивидуальных захоронений, которые его обременяют и более рациональный подход к утилизации останков его членов. Мы же видим достаточно нерациональное действие, при котором не только затрачиваются усилия, которые можно счесть излишними, но и происходит расходование ресурсов - в захоронениях обнаруживаются орудия труда и пища, - что в сложных условиях существования человека этого периода выглядит совершенно не логичным, тем более, что нам известно, что на эпоху мустье приходится несколько периодов наступления ледников, а это, предполагает более тяжелые климатические условия по сравнению с предшествующими периодами. Гораздо естественнее в связи с этим выглядело бы большее распространение некрофагии, а не возникновение захоронений.

Выдвигались различные теории, пытающиеся объяснить причины, побудившие древнего человека производить захоронения соплеменников. Антрополог М. С. Плисецкий и этнограф М. О. Косвен вообще высказывают сомнение в существовании практики погребения в этот исторический период, однако, они скорее отрицают религию, нежели сами захоронения, так как их представления основываются на тесной связи одного и второго и не предполагают существования их по отдельности. Другой исследователь, занимавшийся изучением этих захоронений, академик П. А. Окладников так же связывает их появление с возникновением религии. На основании изученного археологического материала он делает предположение, что на этом этапе развития могли существовать религиозные культы, а именно, культ солнечного светила, культ животных и, собственно, культ мертвых. Есть и еще одна точка зрения, не связывающая появление захоронений с возникновением религиозных представлений, которая кажется мне наиболее

близкой к истине. Согласно ей захоронения были спровоцированы страхом перед покойным, в том числе, вызванным реальной опасностью, исходящей от гниющего, разлагающегося трупа, а специфика похоронных обрядов предопределялась стремлением предотвратить возвращение мертвеца к живым. Чаще всего эту теорию обосновывают тем, что умерших, судя по расположению останков, хоронили связанными. В более поздних захоронениях, относящихся уже к другому историческому периоду, эта идея получает продолжение: трупы продолжают связывать, придавливать камнями, оборачивать корой деревьев, распространяется т.н. «второе убийство», когда трупу наносятся повреждения, встречается пробивание черепа, обезглавливание, известное и популярное поверие о пробивании осиновым колом сердца вампира, скорее всего, имеет те же корни. До настоящего времени сохраняется обычай «путать следы», выносить покойного, разбирая стену или крышу дома, а так же через окно, применение колючих растений, в наше время это, чаще всего, ветки ели при выносе усопшего, для того чтобы обеспечить невозвращение. Что же могло спровоцировать такой страх? Если с опасениями контакта с мертвым разлагающимся телом и соблюдением некоторых санитарных норм все более-менее понятно, то с пониманием причин опасения возвращения покойного, более того, возвращения его как объекта, представляющего опасность дело обстоит сложнее.

В первую очередь, встает вопрос о возможности такого возвращения, и здесь, учитывая, что проблема погребенных заживо существует и по сей день, не смотря на все достижения медицины, - мы признаём его вполне возможным. Некоторых соплеменников могли лишь принимать за умерших, например, людей, подвергшихся переохлаждению, что представляется весьма вероятным в изменившихся климатических условиях, возможны и другие причины. Однако, это не дает нам ответа на вопрос, почему вернувшийся «покойный» представляет опасность. Можно было бы предположить, что как сочтенный более не членом общины, потерявший с мнимой смертью свои

права и статус, изгнанник мог пытаться вернуть их обратно силовыми методами, однако, и это предположение не выдерживает критики, во-первых, по той причине, что осознание таких статусов как утрачиваемых и возобновляемых было бы логичным отнести к более позднему периоду, когда изменение положения в иерархии общества воспринимается как система переходов, сопровождаемых определенными ритуалами, инициациями и пр. и достигаются такие статусы уже не простыми и прямыми силовыми методами; во-вторых, само восприятие как чужака, иноплеменника кажется маловероятным, возвратившийся «умерший» вполне уже мог быть опознан. Как показывают наблюдения за животными, если особь изъять из стаи и вернуть ее обратно по прошествии времени, велика вероятность того, что она будет принята «обществом», и, даже если ей придется использовать силовые методы не сможет принести значительного ущерба стае, для которой силовая борьба за место в иерархии дело обычное. Откуда же тогда этот страх и уверенность, что мертвый может вернуться, чтобы вредить живым, так широко распространенная и сохранившаяся до наших дней? Существует интересное предположение, подтверждение которого мы получаем, рассматривая представления современных «дикарей», о том, что бояться могли не самого возвратившегося покойного, а духа, поселившегося в нем и вызвавшего смерть. Таким образом, вернувшийся дух мог «забрать» кого-то еще из соплеменников. Такое предположение кажется весьма обоснованным, однако, если придерживаться этой точки зрения на причину возникновения страха перед покойным, то мы вынуждены будем признать существование в рассматриваемый период веры в духов, а наличие такой веры пока остается спорным вопросом.

И все же, представление о том, что только лишь страх толкал древнего человека на создание погребений, выглядит несколько однобоким. При рассмотрении захоронения с позиции «тюрьмы» для покойного кажется странным оставление связанному орудий, пищи, предметов быта, и даже цветов (пыльца которых в большом количестве была найдена при

исследовании почвы, взятой из захоронения девяти неандертальцев, обнаруженного в Ираке в пещере Шандир), найденных в могилах. Зачем оставлять что-то тому, от кого пытаются избавиться, ослабить, заточить? Таким образом, мы можем расценить эти приношения как проявление заботы об умершем. Этот дуализм в отношении к покойному мы видим повсеместно, сохраняется он и в наше время: с одной стороны, родственники и близкие умершего скорбят о потере, с другой, пытаются не допустить возвращения, испытывают суеверный страх, связанный с покойным.

Попробуем разделить элементы захоронений неандертальцев по их функциям с позиции рассмотренной теории:

<i>Страх перед покойным</i>	<i>Забота о покойном</i>
<ul style="list-style-type: none"> • предполагаемое связывание • камни, положенные поверх мертвого тела 	<ul style="list-style-type: none"> • орудия труда, быта, пища • цветы

Интересно, что и выражение заботы и действия по защите от опасности свидетельствуют о том, что покойный, с точки зрения древнего человека, не теряет способности производить действия: пользоваться предметами и орудиями, употреблять пищу, передвигаться. Основание этих убеждений, событие, происшествие, которое могло положить ему начало, дать толчок к изменению отношения к трупам остается непонятным, однако, наличие какого-то «верования», «убеждения», послужившего причиной таких предосторожностей, связанных с трупом, представляется вполне возможным.

Если предположить, что в тот период возникает понятие о душе, то снова встает ряд вопросов, и первый из них – откуда оно, это понятие, возникает? Да и удовлетворит ли душу подношение, обеспечивающее скорее нужды телесные, нежели духовные? Некоторые авторы считают, что в рассматриваемый период существовало зачаточное понятие о некоей составляющей, подобной душе, однако, еще не было понятия отдельного существования ее и тела. Как пережиток этого представления можно привести примеры из намного более поздних периодов. Таким примером

может быть «ловля души» человека, погибшего «не своей смертью», внезапно. Это действие мы можем видеть у абхазов. Они вылавливают душу утопленника из воды, протягивая через реку на месте гибели покойного новый шелковый шнур, к одному концу которого привязан не бывший в употреблении бурдюк (кожаный мешок). Считается, что душа входит в мешок, его завязывают шнуром, несут к могиле и там шнур распускают. То, что «выпускают душу» у могилы, не у тела, которое надеются «оживить» возвращением души (такие действия до сих пор распространены в некоторых «примитивных» культурах) здесь особенно примечательно, тело не может существовать без души, но и умершему должна быть возвращена душа, которая не должна быть отделена от тела. Еще один пример такого отношения к посмертному сохранению единства души и тела мы видим в описании Дж. Фрезера: «Туземцы Порт-Стифенса (Новый Южный Уэльс) хоронят мертвых только при приливе, так как считают, что иначе отливающая вода занесет дух усопшего в далекую чужую страну». Таким образом, выходит, не только заботились, но и не хотели отпускать.

Вернемся к работе П. А. Окладникова. Описывая захоронение мальчика эпохи мустье, обнаруженное в гроте Тешик-Гаш (Узбекистан) он отмечает, что недалеко от могилы были найдены следы небольшого костра, горевшего очень короткое время, это, как предполагает Окладников, доказывая свою теорию о существовании культов уже в эпоху мустье, мог быть ритуальный огонь, имевший отношение к погребению. Однако это утверждение представляется спорным, нельзя исключать, что данный костер был разведен для обеспечения, например, освещения, но вот то, что обнаруженные в различных местах захоронения этого периода имеют ориентацию (как было упомянуто выше) восток-запад уже сложно считать совпадением. Окладников считает эту ориентацию доказательством наличия некоего солнечного культа. Действительно, такая ориентация остается непонятной и сложнообъяснимой с практической точки зрения, однако, говорить на ее основе о существовании культа, на мой взгляд, еще

достаточно рано, впрочем, данная работа касается не столько вопроса возникновения религиозных представлений, сколько отношением человека к смерти, и хотя религия и смерть всегда были достаточно тесно связаны, на данном этапе, исходя из тематики работы, мне кажется излишним рассматривать вопрос о происхождении религии, хотя именно осознание смерти могло послужить неким фундаментом ее возникновения. Могу лишь предположить, что такое расположение тела могло выражать представление древнего человека о том, что умерший уходит вслед за солнцем, как земля остывает без солнца, так и тело остывает, когда душа покидает его. Так же такое ориентирование лишней раз доказывает то, что эти захоронения не были просто «избавлением от трупа», а являлись неким сознательным действием.

В культуре периода мустье отмечается и еще одно достаточно интересное явление, имеющее отношение к рассматриваемому вопросу: в Альпах и прилегающих к ним областях в пещерах были найдены в большом количестве кости пещерного медведя; часть их оказалась уложенной в определенном порядке в своеобразных ящиках из каменных плит, либо стенных нишах. Некоторые исследователи толкуют эти находки как следы охотничьей магии и тотемизма (выразившейся в данном случае в культе медведя, сохранившегося у некоторых народов вплоть до XIX в.): сохранение черепа и крупных костей убитого животного с тем, чтобы Владыка диких зверей мог нарастить на них мясо, оберегание костей от повреждения. Возможно, это зарождение воззрения, приобретшего позднее вид запрета, «костей не сокрушать», который можно встретить и в Ветхом завете (правда причины его там не поясняются), и в мифологии Скандинавии, где на пиру в Вальхалле энхирии поедают мясо вепря, но не повреждают его кости, на которые вновь на следующий день нарастает мясо. Другие, в частности, А. Гас, проводили аналогию с обычаем подносить божеству все первое, например, первые плоды (тогда опять встает вопрос о существовании этого самого божества). Были так же исследователи, предполагавшие, что это

форма погребения зверей, в пользу этого говорило обнаруженное в 1950 г. К. Эренбергом в Зальцфенхэле захоронение трех медвежьих черепов и костей конечностей, ориентированное по оси восток-запад. Другие видят в этих останках просто запасы пищи, хранившиеся неандертальскими охотниками. Часть ученых вообще списывает образование таких хранилищ на естественные условия, а их «рассортированность» объясняет тем, что в костях могли копаться дикие звери, но такое объяснение кажется лично мне маловероятным, впрочем, как и предположение о жертвоприношениях. Скорее всего, это следы попытки осознания смерти вообще, проведения аналогий между смертью представителя вида собственного и животного, на которое производится охота, такая форма «извинения за убийство», и даже попыток обеспечить зверю скорейшее возрождение (встречающие и в наше время, например, в виде примет среди охотников). Учитывая некрофагию, предшествовавшую захоронениям, связь между захоронениями животных и людей становится еще более тесной.

«Существенно одно, неандерталец уже убедился, что мертвец не просто «спящий», по отношению к нему нужны особые заботы, качественно иные, чем по отношению к живому человеку» - пишет Окладников, однако, на мой взгляд, существенно здесь все таки другое – а именно, возможное и вероятное появление представления о том, что жизнь человека не кончается со смертью, что смерть – не отсутствие, но другая форма существования. Однако, как верно отмечает М. Элиаде в своей работе «История веры и религиозных идей»: «от веры и от мыслей, как известно, ископаемых не остается», да и ископаемых этого периода, которые имеют отношение к рассматриваемой нами теме, крайне мало, (на настоящий момент обнаружено около 20 захоронений). Хотя это можно объяснить малочисленностью людей того времени и поздними техногенными вмешательствами в культурные слои, но так же можно предположить малую распространенности такого отношения к умершим, которое заставило древнего человека задуматься над необходимостью погребения. Тем не менее, счесть это явление локальным

так же не представляется возможным - географическая распространенность захоронений достаточно обширна. Но обратимся к более позднему периоду.

1.2. Эпоха Ориньяка.

Это была эпоха, когда уже появился человек современного типа, который изготавливал намного более разнообразные и совершенные каменные и костяные орудия, а охотничье хозяйство стало более развитым и производительным, появляются многочисленные памятники изобразительного искусства: скульптура, живопись в пещерах. Некоторые из них, видимо, имеют какое-то отношение к религиозным представлениям и обрядам, в пользу этого говорит, например, тот факт, что в отличие от достаточно подробных изображений животных, изображения человека того периода весьма схематичны, так же встречаются изображения людей, позы которых могут свидетельствовать о том, что они исполняют определенный ритуал, например, широко известное изображение женщины, поднимающей наполненный рог (пещера близ Лоссея на р. Везере). В отличие от мустьерского периода, ориньяк оказывается намного более богатым и на захоронения. В этот период существование погребальных обрядов и ритуалов считается уже бесспорным. Кроме погребений в могилах и пещерах, встречаются такие, когда мертвого хоронят прямо там же, где он жил, оставив в доме (предшественником такого захоронения «в доме» можно считать погребение в пещере-жилище, в мустьерскую эпоху), или положив на очаг, где тело обгорало, соплеменники же покидают место прежнего проживания. Это действие так же сохранилось у некоторых народов в значительно более позднюю эпоху, так, например, якуты покидали дом умершего, давая ему со временем развалиться, карены разрушали или покидали целые деревни. Таким образом, можно считать, что страх перед умершим продолжает развиваться. В случае, когда люди покидали место поселения, оставляя умершего, мы можем предполагать, что в какой-то момент путем наблюдения ими было выяснено, что нахождение в месте, где произошла смерть, вызывает заболевание других членов сообщества,

оставление же этого места способствует меньшей заболеваемости и смертности или их отсутствию. Хотя для нас очевидно, что в этом случае массовые смерти могли быть вызваны, например, вирусным заболеванием, а переселение снижало риск заражения, для человека того времени это могло выглядеть как нападение, месть покойного или вселившегося в него духа болезни. Продолжают встречаться захоронения, носящие следы предосторожностей, призванных обеспечить невозвращение покойного: упомянутое, обжигание трупа, наложенные на голову и ноги камни, использование колючих растений. Интересным является применение определенных растений, чаще всего лука и чеснока, известных своими антисептическими свойствами, что так же подтверждает предположение о том, что причиной переселения и отделения себя от умершего и того, что его окружало, могли являться вирусные заболевания. Свойство растений активно выделять летучие вещества – фитонциды, убивающие многие болезнетворные бактерии, скорее всего, было интерпретировано в магическом ракурсе, до наших дней мы можем встретить отражение этого в суевериях, например, чеснок, как средство отпугивания самого известного и вредоносного возвратившегося мертвеца средневековья, и, благодаря Брэму Стокеру, даже наших дней – вампира. Тем не менее, покойного продолжают снабжать пищей, украшениями, орудиями труда и прочими необходимыми, по мнению совершавших погребение, предметами.

Наряду со скрюченным труположением начинает встречаться и распрямленное. Так, например, в обнаруженном в Ментоне (Франция) Гроте Детей в погребальной яме находились двое детей, которые были положены на спину, с руками вытянутыми вдоль тела. Под могилой детей находилось захоронение женщины, еще глубже – мужчины, так же лежащих на спине. Примечательно, что каменные плиты, закрывающие голову и ноги мужчины, были положены на камни, а не непосредственно на само тело. На мой взгляд, это ставит вопрос о том, являлись ли эти плиты средством защиты от возвращения покойного или несли иную функцию, например, защиту тела от

животных. Естественно, встает вопрос о назначении этих камней, в более ранние периоды, когда их клали непосредственно на тело. Таким образом, можно выделить еще одно направление в заботе об умершем, а именно, заботу о сохранении трупа. Таблица, составленная при описании периода мустье, приобретает уже иной вид:

<p><i>Страх перед покойным</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • оставление места обитания 	<p><i>Забота о покойном</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • орудия труда, быта, пища • цветы <p><i>Забота о сохранении тела, как выражение заботы о покойном</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • камни, положенные поверх мертвого тела
	<ul style="list-style-type: none"> • применение колючих и сильнопахнущих растений • предполагаемое связывание • обжигание трупа

Как можно видеть, применение колючих (вокруг тела) и сильнопахнущих (закладываемых в рот, нос и уши покойного) растений в данной таблице не было отнесено ни к одной из граф, причина этого в предположении о том, что такие растения могли применяться не для того, чтобы покойный не вернулся, а с целью сохранения тела от мелких грызунов и насекомых, но предположение это спорное, так как есть и другой вариант, его можно найти, например, в верованиях племени вакельбура (Австралия). Аборигены закладывают в уши покойного горячие уголья, чтобы душа не вышла и не увлекла за собой живых. Связывание трупа, так же не было помещено ни в одну из граф, с одной стороны, оно выглядит попыткой защиты от умершего, тем не менее, следует иметь ввиду, что связывание могло применяться для придания телу определенного положения, символическое значение этого положения могло быть связано со значением применения охры, о котором речь пойдет несколько позже. Положение трупа на кострище явно

противоречит предположению о действиях, направленных на сохранение тела, однако, и здесь могут быть различные варианты. Так, например, жизнь связывали с огнем, теплом, а смерть, соответственно, с холодом. Мертвое тело остывает, лишается чего-то, что поддерживало в нем тепло. Следы таких верований мы в большом количестве можем видеть, например, в различных фольклорных источниках³. Не был ли костер попыткой вернуть «огонь жизни» умершему? Так же не стоит забывать о том, что широко распространившаяся в последствии, кремация тела усопшего чаще всего призвана обеспечить покойному ускоренное «переселение» в иные миры, нежели как-либо ограничить его возможность являться к живущим, вредить им и пр. Впрочем, вряд ли мы сможем точно установить причины возникновения упомянутого действия, потому, не считая действие однозначным, не станем относить его ни к одной из граф.

Вернемся к захоронению. Под останками мужчины было обнаружено еще одно погребение, в нем тело лежало в скрюченном положении на месте кострища, так же рядом находились останки женщины в том же положении. Чем руководствовались производившие захоронение люди, выбирая позу – судить сложно.

Интересно еще одно захоронение периода ориньяка, ставшее весьма известным – это погребение охотников на мамонтов в Пршедмости (бывш. Чехословакия), в котором было найдено 20 скелетов. Одна сторона захоронения была обложена лопатками мамонтов, другая – их челюстями, сверху погребение было прикрыто слоем известковых камней (здесь их функцией считают как раз защиту захоронения от зверей). Особо примечательно в этом захоронении то, что, по предположениям исследователей, захоронения в данной могиле делались в разное время, то есть, умерших членов племени подкладывали в могилу, а это позволяет

³ Например, такое представление мы встречаем в малороссийской сказке «О куме Смерти» описывает это так: «Смерть жила пид землею, здоровецка хата уся булла освичена свичками: де яки з ных начиналы горити, де яки догорувалы и погасалы». Пришел к ней в гости кум и стал спрашивать про свечи. Смерть отвечала: «Каждый человек, який тилько је на свите, мае тут свою свичку; як вин тилько родыцьця – свичка запалюецця, як свичка гасне – вин умирае» (цит. по Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям 1913г.).

предположить, что страх перед умершими был не так уж и силен, если отваживались вскрывать его «последнее обиталище». К той же эпохе относится захоронение черепов (грот Офнет, Бавария), которое является вторичным захоронением (такой вид захоронения позднее станет достаточно распространенным и просуществует очень длительное время), что так же достаточно примечательно.

Появление групповых захоронений в период ориньяка представляется интересным. Если предположить, что в период мустье появляется представление о существовании умершего в некоем загробном мире, то вероятно, в этот период должно было бы появляться представление не только о существовании, но и о возможности встречи после смерти с соплеменниками и близкими людьми.

2. Возникновение представления о душе и загробном мире.

Что же отличает умершего от живого? В первые минуты умерший выглядит совершенно так же как живой, но ему не достает чего-то, что делало его именно живым. Самым ярким признаком наступившей смерти является отсутствие дыхания, прекращение сердцебиения менее очевидно. Слово «душа», «дух» имеют общее происхождение со словом «дышать». Еще одно представление о связи «души» и «дыхания» можно видеть в различных повествованиях о сотворении человека и оживлении его, когда душа «вдыхается» божеством в тело, сотворенное из глины или другого материала. Скорее всего, данное представление является самым ранним, позднее же оно усложняется и развивается.

Обратим внимание и еще на одну интересную деталь, которая встречается в самых ранних захоронениях и даже в обнаруженном в Чжоу-Коу-Тяне «захоронении»⁴ черепов, а именно, посыпание тела или только головы красной краской. Мотив этого действия понять достаточно сложно,

⁴ «Захоронение» здесь стоит в кавычках, потому как захоронением по сути своей не является, найденные черепа датируются периодом 400-300 тыс. лет до н.э., их хранение исследователи объясняют другими причинами.

М. Элиаде⁵ предполагает, что оно выражает веру в загробную жизнь, красная охра символизирует кровь, являющуюся символом жизни. Следовательно, смерть – еще не конец существования. Не надо обладать выдающимся интеллектом, чтобы заметить, что сам труп никуда не уходит и никаких действий не производит, а постепенно распадается и объединяется с массой земли. Значит продолжает существование нечто иное, более того, этому иному необходимо некое пространство для существования. «Когда люди умирают, из их рта выходит нечто, похожее на человека. Это существо отправляется к месту, где находятся мужчины и женщины. Оно похоже на человека, но не умирает, а тело его остается на земле» - так описывали процесс расставания души и тела туземцы Никарагуа в 1528г., отвечая на вопросы о своей религии.

2.1. Душа или «то, что не умирает».

Вопрос о существовании души до сих пор остается открытым, однако именно представление о ней является важной составляющей в представлениях о смерти и отношении к ней человека любой эпохи, а желание обеспечить ей комфортное существование рождает похоронные ритуалы.

Сложно судить, благодаря чему возникло представление о том, что есть «составляющая человека», продолжающая свое существование после его смерти. Попробую предположить, что, будучи наблюдателем, древний человек мог провести аналогии состояния смерти с состоянием сна⁶. Спящий человек неподвижно лежит, не реагирует на окружающее, он пассивен, однако, сам он переживает различные состояния, видит картины, складывающиеся в сюжет, как бы «живет другой жизнью» - находится в мире сновидения. В отличие от современного человека, древний не воспринимал

⁵ М. Элиаде «История веры и религиозных идей», Т. I «От каменного века до Элевсинских мистерий»

⁶ Дополнительные указания на существование такого отождествления можно видеть, например, в славянском фольклоре: «Стань, пробудись, мой родимый батюшка, ото сна крепкого, от крепкого сна от мертвого»; «Встань моя матенько! Встань моя родненька!»; «Уж вы, наши родненькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» и др. (цит. по Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям, 1913г.)

сны как нечто нереальное, как сказку. Чтобы лучше это понять обратимся к описаниям отношения к сновидениям у т.н. «малокультурных» народов. Например, целое племя индейцев-бороро пришло в панику и чуть не покинуло место своего обитания из-за того, что одному из них приснилось, что к ним украдкой приближаются враги. Один индеец племени макуши во время болезни во сне увидел, что хозяин заставил его волоком поднять каноэ через каскад крутых водопадов. Утром индеец упрекал хозяина в бессердечии к бедному больному, которому всю ночь пришлось работать. Так же существуют представления о путешествиях души во время сна. У североамериканских индейцев - душа спящего оставляет тело и ищет предметов, которые для нее привлекательны. Эти предметы должны быть непременно приобретены человеком, когда он проснется, чтобы душа не тосковала и не тревожилась и из-за этого не покинула бы тело окончательно. Легенда о короле Гунтраме рассказывает о том, как «король спал в лесу, положив голову на колени верного оруженосца. Слуга его видел как змея выползла изо рта господина и направилась к ручью, но не могла переплыть его. Тогда слуга положил свой меч через ручей, змея проползла по нему на другой берег и скрылась в горе. Некоторое время спустя змея вернулась и вновь не смогла перейти ручья. Слуга вновь положил меч, змея проползла по нему и вернулась в тело спящего короля. Проснувшись, король рассказал, что видел во сне большую реку, которую переходил по железному мосту, спущенному с неба огромной рукой и был в горе, полной золота». Новозеландцы считают, что душа спящего может посещать не только области мира живых, но и встречаться с умершими.

Так же возможно предположить, что уже в то время человек мог использовать техники транса, как способ получения информации. Пример таких состояний мы можем видеть в опытах, проведенных в 1965-66гг. в лаборатории электроэнцефалографии Медицинской школы Виргинского университета Робертом Монро совместно с Чарльзом Тартом Дэвисом. В этих опытах перед Р. Монро, который мог вводить себя в состояние, когда,

как он это называл, путешествовал вне физического тела, ставилась задача «увидеть» число, помещенное на высокой полке в смежной с лабораторией, где он находился, комнате. Результаты этих опытов, а так же анализ состояния во время их проведения, описываются в его работе «Путешествия вне тела». Не вижу смысла пересказывать их здесь, отмечу лишь, что они часто подтверждали возможность получения информации таким способом, хотя Монро описывает затруднения, возникающие при ориентировании в этом состоянии, часто «видит» не то, что собирался в ходе экспериментов (пример опыта с видением лаборантки). Так же существенно, на мой взгляд, что, судя по описанию Р. Монро, это состояние начинает появляться у него спонтанно, т.е. без обучения и даже знания о том, что оно возможно. Почему бы тогда не предположить, что такое же состояние (или подобное ему, согласно уровню своего развития) мог использовать и древний человек, тем более, что «ритуалы» различных народов, используемые в некоторых местностях и по сей день (те же шаманские практики, как пример), могут служить косвенным доказательством такой возможности.

Таким образом, пока человек путешествовал, тело его оставалось неподвижным, но нечто продолжало существовать и даже, в некоторых случаях, имело возможность активно и осознанно действовать. Причем, если распределить эти состояния по «глубине», то мы получим:

- сон – состояние, в котором человек пассивно воспринимает картину, которая может иметь отношение к реальности (так называемые, пророческие, «вещие» сновидения), а может, и это чаще всего, и не иметь с ней ничего общего, т.е. действие происходит в воображаемом, иллюзорном мире;
- болезнь (состояния бреда и подобные) – в болезненном состоянии человек может находиться как бы между сном и реальностью, частично воспринимая мир вокруг, но, находясь в измененном состоянии

сознания, выйдя из которого может выдавать сведения, кажущиеся наблюдателям «откровением»;

- трансовые⁷ состояния – состояния, в которых якобы становится возможным общение с духами (получение информации), воздействие на реальность (например, лечение, которое используют уже упоминавшиеся шаманы), сюда же следует отнести и «вне-телесный опыт».

Каждое из состояний является более глубоким, по сравнению с предыдущим, из каждого последующего состояния, человека, испытывающего его, сложнее вывести, но вместе с тем, углубление состояния сопровождается возрастанием осознанности, и, осмелюсь предположить, информативности пребывания. Логичной кульминацией такого состояния выглядит смерть. В подтверждение этого предположения можно сослаться на материал, собранный исследователями, проводившими опросы людей, переживших состояния клинической смерти, самым известным из них является «первопроходец» в этой области исследований, Раймонд Моуди, опубликовавший подборку результатов проведенных опросов в книге «Жизнь после жизни». В ней он собрал и проанализировал 150 рассказов людей, переживших это состояние. «Описания столь сходны, столь живы и непреодолимо достоверны, что они могут навсегда изменить взгляд человечества на смерть, жизнь и посмертное существование души» - писал журнал «Америка» в 1989г. Другие исследователи, проводившие опросы, сталкиваются с тем же – не зависимо от вероисповедания, социального положения, национальности и др. описания «посмертного опыта» очень похожи, если отбросить личные интерпретации опрошенных. Не будем выяснять, насколько такой опыт можно считать достоверным описанием мира загробного, подтверждением существования души после смерти и вообще ее наличия, однако, типичность⁸ этого опыта заслуживает

⁷ Здесь мне не кажется необходимым разделять активные (примером такого состояния может быть камлание шамана, впрочем, подобные техники достижения ИСС распространены у многих народов) и пассивные (подобные описанным опытам, гипнотические трансы и т.п.) трансовые состояния.

⁸ Нельзя так же не отметить, что такой опыт слишком хорошо совпадает с описаниями «Тибетской книги мертвых»

особого внимания, ее, без придания каких-либо интерпретаций и связей, следует принимать в расчет, по крайней мере как состояние, которое может возникать при определенных условиях с большой долей вероятности. Это состояние могло быть (и скорее всего было) замечено и древним человеком. Естественно, что в наше время, благодаря развитию реанимационной медицины мы можем иметь достаточно большое количество описаний «посмертного опыта», для человека того времени, о котором идет речь в данной работе, он был крайне редким, однако, полностью отрицать его наличие мы не имеем возможности, да и примеры таких описаний встречаются в древней истории (о них в рамках данной работы я планирую поговорить позднее). Важно так же, что пережившие «околосмертный опыт» (по разным данным, около 30% из тех, кто находился в состоянии клинической смерти) сохраняют высокий уровень осознанности и запоминания информации во время/после такого переживания, что позволяет нам поставить его в выстроенной выше последовательности состояний на нижнюю ее ступень.

Такое сохранение сознания, пока пассивно тело, а так же возможное общение с умершими (мы уже говорили о восприятии сна древним человеком, следовательно, явившийся во сне покойный воспринимался как явившийся вполне реально) служило достаточно убедительным доказательством для человека того времени. С одной стороны, покойный покидает племя, с другой, он постоянно рядом, приходит во сне (либо в трансе), то есть в момент, когда тот, кто с ним общается сам как бы приближен к нему своим состоянием.

Но если человек, точнее какая-то его составляющая, не перестает существовать после прекращения существования его тела, то как же должно протекать его существование?

Обратимся к современности: С. Рязанцев в своей работе «Ганатология» приводит следующую статистику: «если население всей планеты пропорционально представить в виде деревни с населением в 1000 человек,

то в ней соответственно будет проживать 300 христиан (183 католика, 84 протестанта, 33 православных), 175 мусульман, 128 индуистов, 55 буддистов, 47 анимистов и 210 атеистов». Исключим атеистов, как отрицающих существование загробного мира, а так же анимистов, так как их верования и представления о мире-по-ту-сторону существенно разнятся между собой, таким образом, окажется, что в нашей «деревне» 183 человека верит в переселение душ и 475 человек, т.е., почти половина населения, в посмертное существование в «загробном мире». Естественно, представления древних отличаются от современных представлений тех же христиан или мусульман.

2.2. Загробный мир

Уже в ориньяк по захоронениям можно четко отследить представление о продолжении умершим своих занятий. В захоронениях оставляют не только предметы необходимые, такие, как пища⁹ или одежда, но и орудия труда, которые позволяют археологам судить о роде занятий человека при жизни и дают возможность предполагать, что с точки зрения людей, производивших захоронения, умерший нуждается в них и после смерти, то есть продолжает свои занятия, использует умения и навыки, полученные при жизни.

Можно предположить, что первоначально ушедшие соплеменники мыслились как существующие среди живых, отсюда, возможно, происходит направление в различных религиях и верованиях, осмысляющее умершего предка как хранителя рода. Тем не менее, умершие все же находятся в некотором отдалении, представляются ушедшими/отсутствующими и приходящими/являющимися. Например, близкий человек умер и погребен и контакт с ним не возможен, но вот во сне человек видит умершего и может

⁹ Представление о том, что умерший нуждается в пище оказывается на редкость «живучим». Мы видим и в 18 веке (на который, кстати, приходится рассвет историй о вампирах, а кто такой вампир, как не возвращающийся мертвец древнейших времен, «усовершенствованный» художественными описаниями) эту убежденность, как у простого народа, которому свойственно множество суеверий, так и у людей просвещенных, примером может служить работа немецкого профессора Михаэля Рафта «Трактат о мертвецах, жующих снедь в своих могилах». Вообще 18 век весьма интересное время, здесь соседствуют паровые машины и призраки, электричество и вампиры, оккультизм и наука...

общаться с ним. Конечно, такому положению не противоречит и существование умерших среди живых, но, как бы, на другом плане, в другой реальности, измерении, т.е. без смены места, но со сменой «мерности». Если душа – существо тонкое и невидимое, то и мир ее существования должен ей соответствовать и, хотя он находится на том же месте, продолжая свои занятия, но для простого человека он не воспринимаем, контактируют с ним только «шаманы-медиумы»¹⁰. «Душа умершего карена с помощью душ его топора и серпа строит себе дом и срезает рис. Тень алгонгинского охотника охотится за душами бобра и лося, скользя по душе снега на душе лыж. Закутанный в душу шубы камчадал ездит в призрачных санях, запряженных призрачными собаками, а зулус доит свою призрачную корову и загоняет призрачный скот в крааль».

И все же, «уходящие» и «приходящие» предки постепенно «вытесняются» из селения. Сначала они обитают у своих могил, будучи как бы привязаны к своему телу, потом их обиталище начинают помещать в местах отдаленных и труднодоступных.

Сначала расположение этого селения душ находится просто «где-то далеко», за рекой, за морем, в определенном направлении без конкретизации места - часто это запад, направление, где ежедневно «умирает» солнце, либо сторона света, откуда пришло племя, таким образом, сохраняется представление о покинутой родине (и, соответственно, могилах предков), куда возвращаются души после смерти. Позднее появляются более детальные описания, расположение мира мертвых привязывается к определенному географическому объекту, возникают Горы, Пещеры и Долины духов. Такое представление мы видим, у племени идеан (Борнео), мир умерших у них помещается на вершине Кина-Балу. Когда туда поднялся один из английских путешественников, туземные проводники показали ему мох, которым питаются души и следы буйволов следовавших за ними. Другой такой «мир

¹⁰ Термин применен в кавычках, так как имеет более широкое значение, здесь под ним подразумеваются люди, выделившиеся позднее в отдельный «класс» служителей культа, а не представители шаманской традиции или последователи Сведенборга.

мертвых» мы видим на о. Ява г. Гунугш-Данк. Хотя саджиры, живущие там, исповедуют ислам, но тайно сохраняют исконные верования, в особенности те, что касаются посмертия, увещевая душу после смерти отказаться от Аллаха и отправиться к своим предкам. Вообще, весьма примечательное и частое явление: именно представления о посмертии и погребальные обряды дольше всего сохраняются в неизменности, и меньше подвергаются влиянию принесенных религий, это говорит о важности данного вопроса. Можно сказать, что изменить жизнь человеку легче, чем «изменить смерть», чувство собственной незащищенности, чувство привязанности к ушедшим, заставляет его опираться на древние представления (в противовес новым), подобно тому, как каждый из нас опирается на собственный опыт, как наиболее приоритетный перед чужим теоретическим для нас знанием. И все же эта область тоже постепенно эволюционирует.

В процессе своей эволюции она начинает представляться как пространство некоей «лучшей жизни», «компенсирующей» неудобства и тяготы жизни этой. Такой мир мы видим, например, у чилийцев: души умерших отправляются на запад через море в Гульчемен, который лежит за горами, где жизнь представляется полным блаженством. Гаитяне описывали белым путешественникам свой «рай» - Уоайбаи, в прелестных западных долинах острова, где души днем скрываются в скалах, а ночью выходят наслаждаться плодами дерева мамэ, они даже используют плоды этого дерева крайне умеренно, чтобы души предков не терпели в них недостатка. Таким образом, посмертие становится воздаянием за тяжелую жизнь в этом мире, воздаянием желанным.

Далее в теории продолжения существования начинает оформляться теория посмертного воздаяния. В «райские сады» входят не все, а лишь избранные. У некоторых народов мы видим, что это знать и вожди, а так же лекари-шаманы, представители культа, остальные же либо продолжают существовать в «старой версии» загробного мира, либо вообще не удостоиваются посмертия. Но, как нетрудно догадаться, именно этот (жрецы,

правители) класс членов общества является образцом, примером для подражания, это класс лучших. Естественно, что каждому хотелось обрести лучшую долю в мире-по-ту-сторону. Возможно, именно на этой почве появляется представления о людях выдающихся, «добродетельных», обладающих особыми качествами, соблюдающих определенные нормы поведения, которые будут наслаждаться безмятежным существованием, и людях, нарушающих эти нормы, которые обречены либо на полное исчезновение, либо на плохое посмертие. Интересно отметить, что посмертие-наказание, подобное христианскому аду, появляется позднее, нежели посмертие-воздаяние, «плохим» долгое время выступает посмертие обычное, выглядящее таковым лишь в сравнении с лучшей долей. Такое разделение является хорошим стимулятором, широкое использование которого мы видим и в современном мире. Если раньше наказание, как мера воздействия на поведение человека в обществе, было «здесь и сейчас», то теперь, с появлением «рая-не-для-всех» прибавляется новый стимул: возможно скрыть преступное деяние от людей и не получить наказания, но оно все равно окажет влияние на посмертное существование. Такое убеждение регулирует поведение человека лучше любого общественного закона.

Однако, такое регулирование жизни общества далеко не единственное применение теории загробного существования. Например, в древней Мексике мы встречаем описание «райского сада» - Тлалокана, где обитают... души детей, принесенных в жертву, для какой цели служит такой «загробный мир» вполне очевидно. Прекрасным примером служат и «воинские религии», самым ярким и известным примером такого посмертия является, конечно же, Вальхалла, в этот «рай-не-для-всех» попасть, как известно, могли лишь лучшие воины, павшие в бою и избранные Одином в свою дружину, остальные довольствуются безрадостным существованием в Хельхейме. Вполне разумно для общества, заинтересованного в проявлении его членами качеств героя, воина.

Но если с влиянием представлений о «рае» и критериев отбора в него все более-менее понятно, то что же рождает миры без радости, выразившиеся в образах, упомянутого, Хельхейма, Аида, Оркуса и подобных? «Лучше быть последним рабом на земле, чем властителем во мраке Аида» - говорит Гомер устами Ахилла. И хотя чаще всего такие миры существуют параллельно с альтернативными мирами-наградами, Хельхейм – Вальхалла, Оркус – Элизиум и т.п., обычно, «позитивная» пара появляется позже. В какой-то период существование предков, подобное повседневному существованию потомков, выражающее отношение к смерти как к всего лишь очередному переходу, сменилось осознанием смерти, как события далеко не обыденного, трагического. Мы видим безрадостное существование теней, лишенных не только мира, но и собственной личности, канувшей в воды Леты. Вообще само распространенное в описаниях миров-по-ту-сторону представление о потере качеств, статусов и прочего, что присуще живому представляется очень интересным моментом. Лункиан «передает» нам разговор¹¹ у лодки Харона, объемы работы, к сожалению, не позволяют привести его полностью, хотя он, несомненно, того заслуживает, ограничимся парой цитат:

«Харон: Послушайте, как у нас дела. У нас, видите сами, суденышко маленькое, прогнившее, во многих местах пропускает воду, стоит лишь наклониться набок, чтоб опрокинуться и пойти ко дну, а вас здесь много, да еще каждый вон сколько несет. Я боюсь вас пустить в лодку вместе со всей поклажей; не пришлось бы вам потом раскаяться, в особенности тем из вас, которые не умеют плавать.

Гермес: Как же нам поступить, чтобы плавание было безопасным?

Харон: Послушайте меня, садитесь в лодку совсем голые, а все, что у вас есть оставьте на берегу [...]

Гермес: А этот красивый юноша кто такой?

¹¹ «Разговоры о царстве мертвых»

Харон: Хармолей, мегарский красавец, за один поцелуй которого платили по два таланта.

Гермес: Скорей снимай с себя красоту. Губы вместе с поцелуями, длинные волосы, снимай румянец со щек, да и вообще всю кожу. Хорошо, ты готов к отъезду, садись.

А ты кто такой в пурпурном плаще и диадеме?

Ламптих: Ламптих, тиран Гелы.

Гермес: Что же ты, Ламптих являешься сюда с такой поклажей?

Ламптих: А как же иначе, разве тиран должен явиться нагим?

Гермес: Тиран, ни в коем случае, но мертвец – бесспорно. Так что снимай все это.

[...]

Ламптих: Что же еще? Ты видишь, я все скинул.

Гермес: Нет, сбрось с себя еще жестокость, безрассудство, гордость и гнев.

[...]

Дамасий: Дамасий, атлет.

Гермес: Да, я тебя узнаю; видел тебя часто в Палестрах.

Дамасий: Да, Гермес,пусти же меня; я ведь совсем гол.

Гермес: Нет, ты не гол, милейший, на тебе столько тела. Сбрасывай все, а то лодка потонет лишь только ты одной ногой ступишь в нее. Брось так же свои победные венки и похвалы зрителей», на этом прервемся, приведенных фрагментов вполне достаточно для получения общего представления. Хотя цитировали мы относительно поздний источник, это не означает, что и выраженные в нем представления являются поздними. Идентичный по смыслу сюжет, происходящий в царстве мертвых, мы видим в шумеро-аккадской традиции, связан он с путешествием Иштар в царство ее сестры Эришкегаль. Иштар вынуждена пройти через семь врат, в каждой снимая какую-то вещь. Конечно, вариантов трактовки этого мифа множество, но в данном случае я позволю себе предположить, что речь идет

как раз о качествах, которые нельзя «пронести» в мир мертвых. Богиня становится уязвимой, потеряв свои качества, а потому оказывается запертой в мире мертвых и пораженной шестьюдесятью болезнями, которые насылает ее сестра и не может освободиться самостоятельно. Возвращаясь Иштар вновь проходит 7 врат, где ей возвращают отобранное ранее, только тогда она получает возможность вернуться в мир живых, мир бытия.

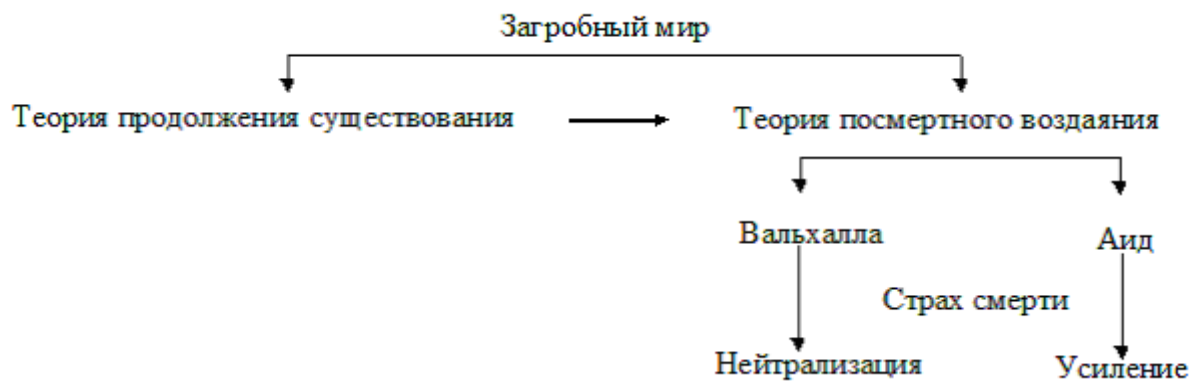
Смерть для народов, представляющих посмертие как мир-без-радости, далека и обезличена, живущему остается лишь сожаление о будущей и неизбежной участи. Впрочем, сложно сказать, что предпочтительнее, забвение или бесконечное существование среди райских деревьев и чернооких гурий, из блаженства такая вечность быстро превращается в муку, ничто так не приносит страдания, как неизменность, так уж устроен человек. Однако, не думаю, что древние смотрели столь далеко, надежда на лучшую долю, просто продолжение жизни или забвение, выражались как факт, а не как протяженность. Тем не менее, как уже отмечалось выше «в одиночестве» такие миры остаются не долго.¹²

В целом, здесь уже можно говорить о том, что миры посмертия, творимые человеком, призваны решить проблему страха смерти, и чем более детально в какой-либо культуре проработано посмертие, тем больше этот страх. Человек не может уже представить себя не существующим, он кажется себе очень важным, значимым, он не может осознать и смириться с тем, что все его достижения, поступки, деяния просто уйдут в небытие, как и он сам. Теперь он не столько боится смерти, сколько собственного небытия, он готов согласиться на любой ад, лишь бы не потерять себя самого, обосновать собственную «нужность». Здесь миры посмертия выполняют очень важную функцию, они не дают человеку потерять смысл собственного существования, конечно, вопрос о смысле такого существования сам

¹² Все таки отметим, что утверждение о том, что миры типа Аида старше миров, типа Вальхаллы не является однозначным, представления о посмертии хоть и имеют общие черты у разных народов, но все же развивались с разной скоростью. «Рай» достаточно стар, в данной же части работы рассматривается лишь разновидность миров-противовесов, существующих как один из вариантов. Таким образом, «изобретение» их можно с равным успехом считать и «возвращением».

рождается в процессе развития человека, не думаю, что он стоял, например, перед неандертальцем, укладывающим в первую могилу соплеменника цветы и орудия. Вопрос смысла, предназначения, «зреет» постепенно, «зреют» и наливаются красками и миры смерти, пропорционально прорабатываясь, дабы щит соответствовал пробоине. «Космос бесконечен и холоден, миф же создает стены жилища, которое позволяет человеку отгородиться от этой пугающей бесконечности».

Влияние миров посмертия на человека и общество мы можем выразить в следующей схеме¹³:

Достаточно легко заметить, что перед нами прекрасный механизм регулирования жизни общества, измените представление о смерти и вы измените общество полностью, однако, как всегда, все в мире равномерно, именно представления о посмертии, являясь одним из сильнейших инструментов воздействия на жизнь отдельного человека и общества в целом, способные изменить пути целых народов, изменяются, как уже было проиллюстрировано на примере саджиров, сложнее всего.

Что ж, если представления о таких мирах верны и миры эти вполне реальны, то впереди у нас вечность в перенаселенном (а как иначе, если столько людей уже родилось и умерло и множество еще родится и умрет...) царствии духов, радостная или безнадежная вечность. Впрочем, есть народы, которые с блеском решили проблему вечности, так же как и проблему

¹³ Естественно, «Вальхалла» и «Аид» названия условные, обозначающие лишь тип мира

«перенаселения» областей загробного мира. Если души куда-то уходят, они должны откуда-то приходить.

2.3. Метемпсихоз

Мы уже ссылались на околосмертный опыт, рассматривая возникновение представлений о душе, вернемся к описанию путешествия за пределы мира живых и последующего возвращения:

«Я передам тебе рассказ одного отважного человека, Эра, сына Армения, родом из Памфилии. Однажды он был убит на войне; когда через десять дней стали подбирать тела уже разложившихся мертвецов, его нашли еще целым, привезли домой, и когда на двенадцатый день приступили к погребению, то, лежа уже на костре, он вдруг ожил, а оживши, рассказал, что он там видел» Эр описывает как его душа путешествует вместе с другими душами, к некоему месту, где «было две расселины, одна подле другой, а напротив наверху в небе тоже две», есть в его описании и картина суда (мы опустили это описание, рассматривая миры воздаяния, так как оно не было необходимым в рамках описываемой темы), души, оправданные на суде уходят по расселине в небо, осужденные – по другой расселине вниз. Интересно, что по тем же расселинам спускаются другие души, «чистые». Есть в этом рассказе и описание встречи с близкими после смерти. Души очищаются здесь искуплением, «в десятикратном размере, чтобы пеня была в десять раз больше преступления». Так же присутствует и десятикратное вознаграждение праведных. Далее душам «надо было придти в такое место, откуда виден луч света, протянувшийся сверху через все небо и землю, словно столп [...]. Там прорицатель бросил жребий в толпу, и каждый кроме Эра поднял тот жребий, который упал подле него. [...] После этого прорицатель разложил перед ними образчики жизней в количестве, значительно большем, чем число присутствующих»¹⁴. Мы видим, что души уже не просто уходят, но и возвращаются. Конечно, весьма вероятно, что

¹⁴ Цит. По Басаргина Е. Тайны загробной жизни

данный фрагмент был написан в подтверждение модной философской теории, впрочем, все же не стоит отрицать того, что в основу его мог с большой долей вероятности лечь реальный околосмертный опыт человека. Так или иначе, но возникновение на одном из этапов развития человеческих воззрений на загробное существование теории метемпсихоза остается фактом.

Как верно отмечает М. Элиаде, существование древнего человека циклично: сон сменяется бодрствованием, а бодрствование сном, сменяют друг друга времена года, встает и заходит солнце, следовательно и жизнь должна сменять смерть. Мы говорили уже о символическом значении охры, которой посыпали тело, а так же о позе, которую связывают с позой эмбриона. Форма некоторых захоронений (насыпь в виде кургана) так же связывается с животом беременной женщины. Все это выражает представление не только о некоей субстанции, не прекращающей существовать и после физической смерти, но и о том, что за смертью, согласно верованиям древнего человека, следует рождение.

Представление о существовании умерших в некоем загробном мире возникает ранее, чем представление о вечном возвращении, однако, ненамного, к тому же эти два убеждения тесно переплетаются между собой, часто существуя в рамках одного учения одновременно и не вызывая никаких противоречий.

Многие народы, видя сходство родителей и потомков, предполагали, что таким образом в род возвращаются предки. В племени йоруба (Нигерия) новорожденного приветствуют словами «Ты вернулся» и начинают поиск примет, по которым можно было бы определить какой именно из предков воплотился в этом ребенке. С этим же убеждением связан обычай некоторых народов хоронить умерших детей около дороги, считается, что так дух быстрее сможет найти себе новую мать для воплощения, среди проходящих по дороге женщин. Интересно, что в качестве таких вернувшихся предков темнокожие племена часто воспринимали прибывших к ним белых. Так

живший среди аборигенов Австралии беглый ссыльный Уильям Беркли был принят за ожившего покойного, в нем даже усмотрели сходство с кем-то из недавно умерших соплеменников.

Здесь немного вернемся назад - когда мы распределяли в первой части работы мотивы, по которым древние люди могли пытаться обезопасить себя от возвращения умершего. Тогда мы сравнивали поведение этого первобытного «общества» с поведением животных, теперь, рассматривая реакцию на возвращение покойного у «малокультурных» народов, мы можем видеть, что никого такое возвращение не шокирует, к нему относятся достаточно спокойно, и часто даже с радостью. «Вернувшийся» соплеменник, точнее тот, кого за него принимают, даже получает статус и имущество умершего. Конечно, такие яркие «возвращения», как те, которые произошли при контактах представителей аборигенного темнокожего населения с представителями белой расы, событие выдающееся, но зато до сих пор среди многих племен, сохранивших еще самобытность своей культуры, не смотря на глобализацию, по прежнему распространено «возвращение через рождение». Так, например, в Северо-Западной Америке у индейцев такулли существует ритуал «перенесения» души: служитель культа возлагает руки на грудь умершего, а затем простирает их над головой одного из его родственников, таким образом как бы передавая душу. Такулли считают, что первый ребенок, который после этого родится у того, кому «передана» душа и будет восприемником этой души, то есть умершим соплеменником, он получает имя, общественное положение и имущество покойного.

В представлениях о возвращении душ мы видим так же, что души переселяются/воплощаются не только в человеческих телах, но и в животных, так Э. Б. Тайлор описывает как индейцы одного из племен той же Северо-Западной Америки, умоляли пощадить старую медведицу, будучи уверенными, что она является восприемницей души одной из их прабабок. Часто встречается у таких народов отказ от употребления в пищу мяса

определенного животного в связи с убеждением, что в одно из животных этого вида переселилась душа кого-то из их близких. Подобное поверие мы встречаем и у древних славян, души приходят в виде животных, чтобы повидаться с родными. Это представление оказывается достаточно живучим, встречаясь еще в XIX веке в некоторых губерниях¹⁵.

Есть в таких представлениях о посмертном воплощении душ и разделение, подобное тому, что мы встречаем в описаниях мира посмертия, так, например, тласкаланы (Мексика) полагали, что души благородных будут жить в великолепных певчих птицах, тогда как души плебеев перейдут в ласок, жуков и подобные существа. Есть и мотив посмертного воздаяния и наказания, например, африканское племя марави верило, что души плохих людей после смерти воплощаются в шакалов, а души добрых – в змей.

Учение о перевоплощении, спокойно существующее параллельно с Аидом и Эллизиумом, мы можем видеть у древних греков. В диалогах Платона («Федра» и «Государство») содержатся утверждения о том, что души могут возвращаться, и даже мнение, что такое воплощение души, якобы, происходит один раз в тысячу лет. Теорию переселения душ излагает и Пифагор, и Порфирий, который в биографии Платона говорит о том, что «многим, кто приходил к нему, он напоминал о прошлой их жизни», Диоген Лаэртский, ссылаясь на Гераклида Понтийского, рассказывает о том, что Пифагор прошел многие перерождения. Дар помнить свои жизни Пифагор, якобы, получил от Гермеса. Описанные воплощения Пифагора включают как человеческие, так и животные формы, самой известной из них, безусловно, является петух, однако, не следует забывать, что этот самый петух описывается в диалоге Лукиана¹⁶, являющимся критическим произведением на мистическую философию пифагореизма вообще, и на теорию метемпсихоза в частности.

¹⁵ Так в работе Барсова Е. Р. «Причитания Северного края», М.: 1872г. встречаем следующую причетсть, читаемую плакальщицами по покойному: «Покажись, приди, надежная головушка, хоть с под кустышка приди да серым заюшком, из под камышка явись да горностаюшком». В работе Афанасьева А. Н. «Поэтические воззрения славян на природу», М.: 1865-1869гг: «Прилетай ко мне кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку».

¹⁶ «Сновидение или петух»

Учение о переселении постепенно эволюционирует и усложняется, кроме мотива воздаяния хорошей последующей жизнью в хороших условиях в процессе этой эволюции появляется новый мотив – личная эволюция души: воплощения выступают в качестве уроков, задач, решая которые душа совершенствуется (мы говорили о чувстве собственной важности, значимости, реализуемом человеком в творимых им мирах смерти, здесь это чувство приобретает поистине вселенские масштабы, весь мир существует лишь для него одного, для его развития или падения!). Некоторые учения воспринимают такое совершенствование как путь к «царствию небесному», т.е. душа воплощается до тех пор, пока не проживет свою жизнь так, чтобы стать достойной этого «царства», или, в других учениях, единения с богом. Еще более усложняется эволюция души в появляющемся в VI – V вв. до н.э. учении буддизма, отделившемся от древнеиндийского брахманизма. Брахманы поддерживают теорию реинкарнации, считая, что путем определенных обрядовых действий можно достичь «лучшего перерождения», буддисты же объявляют все виды перерождения неизбежным страданием, а высшей целью существования становится достижение состояния небытия – нирваны. В обоих учениях присутствует мотив воздаяния, «закон воздействия», причинно-следственный закон кармы. Однако, здесь воздаяние распространено не на области посмертия, как в рассмотренных выше мирах-по-ту-сторону, а на области жизни, предыдущая жизнь формирует не посмертие, а жизнь последующую, жизнь мира бытия. Подобных же воззрений на посмертие придерживается и немного более ранний, чем буддизм, джайнизм, так же берущий начало из брахманизма, но не приобретший масштаба мировой религии, в настоящее время он распространен в основном в Индии, где насчитывается около 2,6 млн. его последователей. В джайнизме так же главной идеей является достижение душой, постоянно воплощающейся в животных или людей, состояния нирваны, очень ярко выражен в нем и мотив непричинения вреда ничему

живому в связи с тем, что даже в самой мелкой букашке воплощена одна из душ, проходящих свой путь и не следует нарушать процесса ее эволюции.

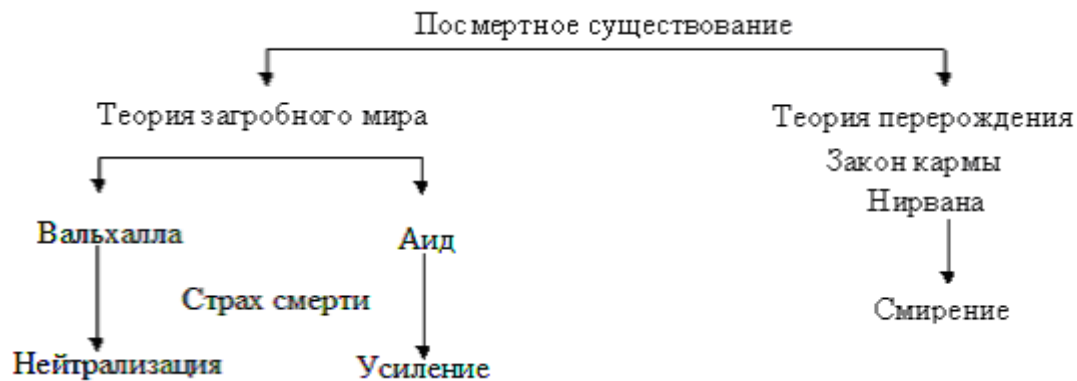
В связи с рассмотрением теории метемпсихоза, нельзя не упомянуть монографию Яна Стивенсона, который описал 1300 случаев реинкарнации в различных частях света, эти случаи, когда люди (в основном, дети) «вспоминали» «прошлую жизнь» подвергались тщательной проверке, результаты этих проверок не могут не удивлять. Приведу здесь один из них: «Двенадцатилетняя Елена Маркард из Западного Берлина, придя в себя после тяжелой травмы, заговорила на безупречном итальянском языке, которого раньше не знала. При этом девочка утверждала, что зовут ее Розетта Кастельяни, жила она в Италии, родилась в 1887г., а умерла в 1917г. Когда девочку отвезли по указанному адресу, дверь открыла дочь давно умершей Розетты. Елена, узнав ее, сказала «Вот моя дочь Франса»», в собрании есть и более яркие случаи, например, случай Сварнлаты Мишера, однако, я выбрала случай с Е. Маркард по той причине, что в отличие от С. Мишера, она не является носителем религии, основывающейся на представлении о реинкарнации.

В 1895г. врач-гипнотизер А. де Роша проводя сеансы регрессивного гипноза, столкнулся с явлением, когда загипнотизированные вдруг начинали говорить измененным голосом, от имени какого-то другого лица, повествующего о другой жизни. Вообще, опыты этого гипнотизера, проводившего свои исследования в том числе и совместно с представителями оккультных направлений, например, Ж. Энкоссом (более известен под своим псевдонимом – доктор Папюс), достаточно интересны. Естественно, что эта тема стала в свое время очень популярной (сродни нынешней страсти к тестам, предсказаниям по гороскопам или гаданиям, не смотря на недоверие к ним, человек никогда не устанет узнавать о себе любимом нечто сокровенное, что способно хоть на миг «вытащить» его из опостылевшей реальности, которую он так и не сумел раскрасить по своему вкусу). Опыты неоднократно повторялись, однако, полученные сведения чаще всего не

выдерживали проверки. Раймонд Моуди в своей книге «Жизнь до жизни» описывает, например, случай, когда воспоминание о прошлой жизни было спровоцировано вполне реальными впечатлениями жизни настоящей. Некий психолог, американец, во время гипнотической регрессии, к своему удивлению, увидел себя индейцем из древнего племени. Он видел каменные строения, храмы, горы и зеленые холмы вокруг. Долгое время ему казалось, что он действительно проник в свою прошлую жизнь, до тех пор, пока случайно не обнаружил источник своих «воспоминаний». Однажды, просматривая у родителей старые семейные кинофильмы, он увидел на экране свою регрессию и вспомнил, что когда-то с семьей посетил развалины древнего индейского города. Сам Раймонд Моуди хотя и склоняется к мысли о реальности реинкарнации, тем не менее, приходит к выводу о том, что в настоящее время нет неопровержимых доказательств существования этого феномена – все существующие «доказательства» могут быть объяснены естественными причинами (по сути, положение в исследовании данного вопроса не изменилось с конца XIX в.). Впрочем, доказательство или опровержение данной теории не входит в задачи данной работы, приведенный здесь материал призван лишь показать, что теория метемпсихоза до сих пор актуальна и далеко не только для носителей религий, предполагающих такое посмертие.

Что ж, такой взгляд на посмертие позволяет не только «вернуться» и «повторить «на бис»» собственную жизнь, оставляя лазейку «в следующий раз у меня обязательно получится», но и дает ответы на вопросы о изначальном социальном неравенстве, врожденных заболеваниях и уродствах и пр., что более сложно объясняется в учениях, придерживающихся позиции «воздаяния по-ту-сторону», решая извечный вопрос о благом боге и зле в мире. Не удивительно, что учение о вечном возрождении интегрировалось во многие религиозные и мистические течения, которые ранее придерживались иных взглядов на продолжение существования после смерти.

Дополним схему, составленную при рассмотрении посмертного существования, как мира-по-ту-сторону смерти:

Теория многократного воплощения не только избавляет человека от страха смерти, так как глупо бояться того, через что он уже неоднократно проходил, но и, как и любая другая теория посмертия, накладывает отпечаток на его поведение. В данном случае, реакцией, скорее всего, будет смирение со своим положением. В Индии человек, родившийся в самой низшей из каст знает, что это результат его собственной деятельности в предыдущей жизни и, дабы не повторить ошибок, не пытается «вырасти» внутри общества, нарушив установленные нормы, а, напротив, прилагает все усилия чтобы как можно качественнее выполнить все, что от него требуется, дабы иметь возможность насладиться жизнью следующей. В той же Индии отсутствует «культ мертвых» как таковой. В связи с тем, что душа сразу же уходит на повторное рождение, скорбеть о ней бесполезно, равно как и бесполезно соблюдать какую-либо преемственность. Судьба каждого сугубо индивидуальна: вряд ли в прошлой жизни он принадлежал к той же семье, а в будущей он может вообще потерять человеческий облик и переродиться в животное или насекомое – все будет зависеть от его кармы. В результате – никакой особой семейной привязанности к предкам и никакой надежды на продолжение себя в потомках. И в то же время вселенская любовь и сострадание ко всему живому.

Для нас это звучит несколько непонятно, в связи с особенностями восприятия, сформированного взглядами, являющимися результатом традиции, в которой мы воспитаны, для африканцев, находившихся в

рабстве, это было настолько само собой разумеющимся, что побуждало их к самоубийству на чужбине, так как они надеялись воскреснуть уже на родине. Австралийский туземец, повешенный в Мельбурне, выразил в последние минуты убеждение, что он вернется на землю белым человеком и будет иметь множество шестипенсовых монет.

3. Контакты с «загробным миром» или «туда и обратно».

Если существует загробный мир, следовательно, с ним можно как-то контактировать. Такие, причем, двухсторонние, контакты мы видим уже с древнейших времен. Это как передача чего-либо, чаще имущества туда, так и общение с предками, приходящими «оттуда». Явления умерших происходят как спонтанно, так и спланировано, как следствие действий, специально направленных на достижение такого контакта. Начнем рассмотрение этого блока с темы, которую сложно обойти вниманием, рассматривая отношение человека к смерти, это ритуальное убийство.

3.1 «Почтальоны», «охранники» и не только.

Убеждение, что умерший существует в некоем загробном мире и желание обеспечить его в этом мире всем, что могло бы ему там понадобиться, приводит к тому, что умершему начинают приносить жертвы. Вначале жертвой выступают предметы быта, одежда и пища, которые либо просто кладут в могилу, либо уничтожают «здесь», чтобы передать тому, кто обитает «там». Здесь культ смерти очень тесно переплетен с культами различных богов, боги, как и люди, существуют в некоем отдельном мире, и в то же время среди народов, поклонение богам очень схоже с «поклонением» умершим. Как бог нуждается в жилье-храме/святилище, пище и одежде – жертве, так и умершего приходится обеспечивать необходимым. Не смотря на века христианства, мы до сих пор приносим на могилы близких и родственников пищу, напитки, цветы, и это ни коим образом не вызывает у нас какого-либо противоречия, хотя в общем-то мы в состоянии понять, что трупу все эти предметы ни к чему. Вначале дарами

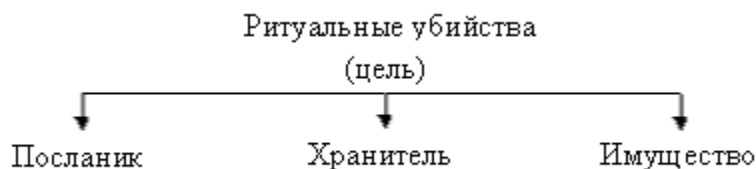
выступают вещи, орудия труда, пища, животные, но в процессе эволюции и усложнения социальной структуры общества умершего начинают сопровождать и другие люди.

Когда речь заходит о человеческих жертвоприношениях, в первую очередь, обычно, вспоминаются культы Мезоамерики. Мы можем видеть оставленные представителями данной культуры весьма детальные изображения кровавых ритуалов. Сколь бы ужасными они не представлялись сейчас нам, воспитанным «в духе гуманизма», для людей того времени это не было чем-то из ряда вон выходящим, само отношение к человеку, да и к смерти вообще, было иным. Глупо было бы утверждать, что такие изображения были сделаны для художественного наслаждения кровожадного народа, ведь не доставляет же нам эстетического наслаждения страданием изображение человека, умирающего на кресте, которое мы можем встретить во многих домах и организациях, это изображение для каждого, кто знаком с учением стоящим за ним будет представлять лишь символ, определенный набор ассоциаций, душевное состояние, но покажите его человеку, не знакомому с христианским учением, о реакции догадаться не сложно. Так же и мы смотрим на традиции древних извне и нас ужасает их жестокость, которую, в общем-то «изобретаем» мы сами. Убийство и «ритуальное убийство» далеко не одно и то же. Убивал человек всегда, он устроен так, что чтобы жить он вынужден убивать. Для нас, если так можно выразиться, «значимым» является лишь убийство себе подобного. Некоторые (как, например, представители различных течений по защите животных или вегетарианцы, придерживающиеся такой диеты по соображениям гуманизма) распространяют эту «значимость» и на представителей фауны, но для носителя традиции, в которой даже камень имеет душу, и вегетарианец будет выглядеть «убийцей». Даже упомянутые нами джайнисты при всех своих предосторожностях, не могут не «убивать», ведь они вынуждены питаться, пусть даже и растительной пищей. Впрочем, в рамках данной работы я не буду углубленно рассматривать отношение человека к убийству как

таковому, так как эта тема заслуживает отдельной достаточно объемной работы, мы лишь немного отвлеклись, чтобы более четко разграничить убийство вообще и убийство ритуальное. Не стоит забывать, что часто у тех же народов, которые его практикуют, убийство обычное запрещено и наказуемо, а жертва, в отличие от обычного убийства, часто считает честью быть избранной.

Ритуальные убийства–жертвоприношения достаточно широко распространены в архаических культурах, через этот этап развития, прошли практически все народы, кто-то миновал эту стадию быстрее и практически не оставлял свидетельств этого периода, кто-то оставался в ней настолько долго, что до сих пор эти культуры вызывают ассоциации именно с ним.

Представим цели этого действия в виде небольшой схемы:

Все эти цели отражают веру в загробное существование, иначе они становятся попросту бессмысленными. Посланники чаще всего используются для «передачи» в «тонкий мир», где существуют боги или умершие, некоторого сообщения, Э. Тайлор небезосновательно соотносит такое действие с молитвой, действительно, при отстраненном рассмотрении, очень похоже, разве что, в случае с жертвоприношением требуется «носитель», «курьер», доставляющий сообщение. Примером таких посланников может служить, существовавший в ряде африканских государств культ умерших вождей, требовавший огромных человеческих жертвоприношений, которые производились не только во время похорон, но и при «поминках», справлявшихся в годовщину смерти вождя. Кроме обеспечения вождя рабами и подданными, эти жертвоприношения выполняли и другую функцию, люди, принесенные в жертву, перейдя в царство мертвых, должны были доложить умершему вождю, о ходе дел и новостях в его земном царстве (по различным источникам, на таких поминках отправлялось в мир иной ок. 300-400 чел.).

Так же известны менее масштабные жертвоприношения: могли отправлять лишь одного посланника с определенной целью, например, просить дождя.

Следы этого действия сохранились и в нашей культуре. Е. Р. Барсов в «Причитаниях Северного края» приводит причитание женщины-вдовы над умершим соседом:

«Да как сойдешь ты на иное живленьце,
Та порасскажи, спорядный мой соседушко,
Про мое да про несчастное живленьцо,
Про мое да сирот малых возрастаньицо».

Там же находим:

«Скажи низкое поклонно челобитьицо,
Глупо сделала кручинная головушка,
Не написала скорописчатой я грамотки,
Ты бы снес ю на второе на пришествие,
Вы на сретушку бы шли да ведь сретались,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку».

Во втором причитание особенно интересно то, что оно как сохранило образ почтальона-покойного, так и отразило убежденность во встречах близких, и просто знакомых, соседей, в мире загробном. Выражено в нем и убеждение в том, что умершие пользуются материальными предметами («грамотка», а не устное послание).

На роль почтальона, как не трудно догадаться, выбирали взрослых людей, которые были в состоянии сообщить, послание или просьбу запомнить и передать. Отношение к смерти самого такого посланника и его соплеменников достаточно очевидно. Это действие является продуктом мнения древних о посмертном существовании и полностью вписывается в его картину, а потому не будем на нем останавливаться и перейдем к более интересной и весьма распространенной цели, которую мы в нашей схеме обозначили как «хранитель».

Тема «хранителя» достаточно обширна, где-то такой дух-хранитель становится им вполне естественным образом (как предки-хранители рода), где-то для этого необходимо соблюсти определенные процедуры при похоронах и, чаще, при смерти.

Образ предка-хранителя дома или территории рода хорошо сохранился в народной культуре, даже в наше время мы видим его отголосок в образе домового. «И сейчас в простом, темном народе жива вера в то, что новопостроенное жильё только тогда будет прочно, когда умрет глава поселившейся в нем семьи, и что тот из родичей умрет ранее, кто прежде всех войдет в новый дом»¹⁷, так новое жильё, новая территория обретает предка-хранителя. Новому строению так же «приносят жертву» - под передний угол зарывают петуха, отрубив ему голову, или другое животное, чаще всего черного окраса, в некоторых областях так же кладут соль, мелкие монеты, зерна ячменя и пр. (в более позднее время считалось, что этими жертвами как бы «выкупают» хозяина дома от скорой смерти и перехода в ранг хранителя).

У древних славян существовал так же обычай, после кремации трупа умершего родственника помещать его пепел в глиняный горшок и выставлять на шестах по границам территории «Аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по-сем творяху кладу велику, и возложашут и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посем собравше кости, возложашу в судину малу и поставляху на столпе на путех», функции предка при этом те же – охрана территории.

Охранники требовались и городам и крепостям. Так существует предание о жертве, положенной в основание Новгорода. «Старшины народные, следуя древнему обычаю, послали пред солнечным восходом гонцов во все стороны с наказом захватить первое живое существо, которое им встретится; навстречу попало дитя; его взяли и положили в основание крепости, которая и названа поэтому Детинцем»¹⁸.

¹⁷ по Авдеева Е. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб, 1842г.

¹⁸ По Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу.

Легенды, сохранившие этот обычай весьма сходны по своему сюжету, точнее это один и тот же сюжет, меняются лишь места и действующие лица. Обычно начинается все с того, что строители никак не могут закончить возведение замка¹⁹ (или иного сооружения), из-за постоянных обрушений (часто одной из стен). В связи с этим, принимают решение принести человеческую жертву. Жертва чаще всего выбирается случайно, так в одном из распространенных вариантов мы видим, как строители договорились, что в стену будет замурован первый человек, который придет на «стройплощадку». На свою беду первой пришла жена самого молодого из строителей, торопившаяся принести обед своему мужу, она и была замурована в стене, после чего обрушения прекратились. Э. Тайлор приводит несколько таких легенд, главное, что можно выделить в них, это, что цель жертвоприношений общая, но «адресат» различен:

- В одном случае, разрушения производит некий дух, или стихийное божество, которое и умилоствляют жертвой, иногда такая «жертва строению» представляется как выполнение некоего условия, в книге Иисуса Навина читаем условие: «Проклят перед Господом тот, кто восстановит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его...», которое и выполняется в 1 кн. Царей (3 Царств) «В его дни Ахиил Вефилянин построил Иерихон: на первенце своем Авираме он положил основание его и на младшем своем Сегубе поставил ворота его...», т.е. жертва производится уже не богу, а как плата за нарушение запрета, (впрочем, это, скорее всего, связано с особенностью культа).
- В другом случае, жертва становится сама хранителем строения, будучи привязана к нему собственной смертью, так до сих пор мы встречаем легенды о замковых привидениях или сторожах сокровищ. К этой же категории можно отнести и образ предка-домового.

¹⁹ Рассматриваемая легенда относится к средневековью, однако, содержит в себе множество элементов, свидетельствующих о том, что корни ее уходят в более древние эпохи, древность таких захоронений-хранителей подтверждается и данными археологии.

Так же отметим, что в этом виде жертвоприношения, по крайней мере, в позднее время, жертва идет на смерть добровольно очень редко, часто легенды повествуют нам о том, что жертву заманивают, например, хитростью, как в случае с голодной девочкой, которой накрыли стол в специально подготовленной нише. Пока девочка была занята едой и забавлялась различными, предоставленными ей безделушками, строители заложили выход, потом у этой стены играли музыканты, чтобы не слышно было стонов умирающей.

При жертвоприношении, как оплате или откупе, весьма часто можно видеть принесение в жертву детей и младенцев, Библия часто упоминает такие жертвоприношения, да и сам культ Яхве несет в себе его остатки в виде посвящения первенцев богу и их выкупа. Человеческими жертвами расплачиваются за урожай или хорошую погоду, применяют их для укрощения стихии, примеров этому множество, достаточно вспомнить сколько времени продержался в Китае обычай выставления шаманки (реже, шамана). Скорее всего, такая «плата», которой удостаивались боги, берет начало все-таки в дарах, предоставляемых умершим, именно такой вид жертвоприношения мы отнесли в нашей схеме к разряду «имущество».

Будучи уверенными, что жизнь после смерти есть отражение жизни обычной, в желании обеспечить комфортное существование душе, обычно, высокопоставленного человека, правителя, древние мыслили переход за ним в иные области существования вполне реальным. Можно предположить, что подобные путешествия за умершим могли начаться еще до выделения знати, тогда за умершим могла уходить, например, его женщина, которая не желала смириться с разлукой (этаким «архаичный вариант» Ромео и Джульетты). Это действие встречается и в современном нам мире, не желая смириться с потерей близкого, человек идет на суицид, не представляя собственного существования без умершего и надеясь на встречу с ним. И в самом деле, если умершему необходима пища, одежда, орудия труда, которые, будучи погребены с ним, переходят с ним в мир-по-ту-сторону, то почему его не

может сопровождать такой же человек? Еще и в наше время, не смотря на все попытки официальных властей, противостоять этому, мы встречаем у некоторых каст Северной Индии обычай сати. Есть свидетельство о подобном обряде, существовавшем у славян. Его описание встречаем в «Книге драгоценных драгоценностей» Ибн Дорса (ок. 930г.): «Когда (у русских) умирает какой знатный, для него вырывают могилу в виде просторной комнаты, кладут туда мертвеца, кладут туда одежду, золотые обручи, которые он носил, много яств, кружки с напитками и другие неодушевленные предметы и ценности. Жена, которую он любил, живую помещается в погребальной комнате; затем затворяют двери, и она там умирает»²⁰. Тот же обычай достаточно подробно описан другим арабским путешественником Ибн Фадланом, посетившим Волжскую Булгарию в 922г., это описание известно под названием «Похороны Руса». Неженатому умершему выбирают жену, которая так же следует за ним в мир мертвых, примечательно, что девушка вызывается идти за умершим добровольно (по крайней мере, так это выглядит для наблюдающего со стороны путешественника). Уходят в след за женами и мужья, хотя явление это достаточно редко, однако, фольклорный материал показывает нам, что оно не является совсем невероятным для наших предков:

«А и тут,
 Стали могилу копать,
 Выкопали могилу глубокую и великую,
 Глубиною, шириною по двадцати сажень...
 И тут Потык Михаил Иванович
 С конем и збруею ратною
 Опустился в тое же могилу глубокую,
 И заворочали потолком дубовым,
 И засыпали песком желтым»²¹

²⁰ По Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870г.

²¹ По Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям, Сергиев-Посад: 1913г.

Таким образом, люди, идущие на смерть, действительно уверены, что там они продолжат существование и воспринимают процесс перехода лишь как временное неудобство, а не как трагедию, окончание существования. Знатного человека сопровождает целая группа. Так при раскопках в Южной Месопотамии в подземном склепе знатной женщины были обнаружены воины охраны и женщины с музыкальными инструментами в руках. Ни на одной из жертв в погребении не было найдено следов насилия. Такое же свидетельство мы находим в одной из гробниц, принадлежащих к нубийской культуре: за правителем уходит множество его подданных, они даже несут с собой свое имущество, как считают исследователи, эти люди входили в специально сделанные для них помещения, ложились головой на восток, после чего их засыпали песком. Скелеты не носили никаких следов насильственной смерти, погребенные даже не пытались сопротивляться, о чем говорит их расположение. Некоторые исследователи²², описывая такие находки, настаивают на том, что людей чем-либо опаивали, что смерть все-таки не была добровольной, однако, учитывая рассмотренный материал, не могу с ними согласиться, по крайней мере, не во всех случаях и не во всех культурах. Недобровольно на такую смерть (при таких представлениях о мире посмертия) могли идти, разве что, пленные, обреченные на вечное рабство у бывшего врага – нового господина. Но здесь опять же многое зависит от отношения к смерти в обществе. В более позднее время, когда смерть из продолжения существования становится пугающим финалом, когда человек пытается сделать все возможное и невозможное, чтобы ее отсрочить, такие насильственные приношения в жертву становятся более распространенными, в качестве посланников избираются уже рабы, преступники или пленные, так же продолжает практиковаться принесение в жертву детей, но в основном это жертвы богам, а не сопровождающие в загробный мир. Так же появляется еще один интересный вариант

²² В фильме BBC «Империя смерти», посвященном раскопкам захоронения нубийского правителя со свитой, мы видим как раз такой подход исследователей, дающие комментарии просто не могут поверить, как можно пойти на смерть добровольно.

использования жертв, ими пытаются выкупить собственную жизнь, отдавая его как бы в замен: древний перуанец, когда заболел, приносил в жертву одного из своих детей, греки находили достаточным в том же случае использовать раба или преступника, такие «откупные» жертвы известны достаточно широко, хотя чаще всего встречаются не в чистом виде «торговли со смертью», а как бы завуалированы, совмещены с испрошением покровительства бога, потерей покровительства которого представляется болезнь.

Путешествия в загробный мир предпринимают и «в духе» с последующим возвращением обратно. Между североамериканскими индейцами, и в особенности алгонкинскими племенами весьма распространены рассказы о том, как души некоторых людей отправлялись во сне или в бреду (при тяжелых болезнях) в страну мертвых, а затем возвращались, чтобы вновь оживить свои тела. То, что они там видели вполне соответствует тому, что им внушалось с детства: долгий путь по дороге умерших, гигантская земляника, которой освежаются духи и пр. Зулусы рассказывают о людях, спустившихся через отверстия в почве в подземный мир, который очень похож на наш и где можно даже отыскать своих умерших близких и родственников, которые продолжают свои занятия. Такие путешествия не редки и для христианства, их удостоиваются в основном, праведники, так, например, путешествует душа бл. Феодоры²³, естественно, что в этих путешествиях они видят загробный мир, соответствующий их представлениям. В отличие от путешествий, описанных Монро, эти описания сильно разнятся между собой. Впрочем, такого рода путешествия уже были рассмотрены, а потому перейдем к коммуникации иного рода, когда умершие «приходят на территорию» живых.

3.2. Гости из загробного мира, званые и незваные.

²³ Видение Григорию о путешествии души блаженной Феодоры

Как можно видеть, и сами умершие «являются» достаточно часто, не ожидая приглашения. Скорее всего, начало таких представлений лежит как раз в упомянутом нами ранее отношении к явлению его во сне. Плиний (мл.) рассказывает, что в Афинах был дом, где никто не жил, так как в нем являлось привидение. Этот дом купил философ Афиандор, явление привидения не заставило себя ждать, явившийся старик приглашает философа следовать за ним, Афиандор же, в свою очередь, просит того подождать, когда он закончит писать. Привидение показывает философу место своего погребения во дворе дома, после вскрытия этого погребения и проведения нормального обряда похорон явления привидения прекращаются. Такой сюжет лишней раз показывает важность правильного погребения в глазах древнего человека, как и то, что, по его мнению, дух привязан к своим физическим останкам. Весьма распространено и представление о том, что умерший может явиться во сне или наяву,²⁴ чтобы предупредить об опасности или даже сообщить о своей смерти. Впрочем, описания таких явлений, которыми мы располагаем, являются практически современными и потому мы не будем их приводить в нашей работе. Здесь мертвые «являются» как бы по собственному желанию, «незапланированно», однако, часто может возникать необходимость в обращении к ним.

Мы нуждаемся в мертвых, умерший, как мы уже говорили, становится в наших глазах если не богом, то «особой к нему приближенной», это представление мы несем в себе скрыто или явно на протяжении практически всей своей истории, даже в наше время можно легко наблюдать это явление, например, в христианстве, особенно в православии, просить предпочитают святых, т.е., по сути, умерших людей, а не бога напрямую, используя заступничество этаких «приближенных посредников».

Вопрошение умершего мы видим в 1 кн. Самуила (1 Царств). Когда Самуил почил, Саул, накануне войны с филистимлянами, ставшими станом в Сонаме,

²⁴ Наяву такие явления обычно происходят в ночные часы, то есть, когда человек находится в определенном состоянии сознания, он может быть, например, утомлен, так же весьма распространены явления, когда человек только уснул и потом пробудился, то есть состояния, приближенные к границе сна и бодрствования.

чьи армии ужасают его, не получив ответа от бога «ни во сне, ни чрез урим, ни чрез пророков», обращается к последнему средству. «Сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней и спрошу её», велит он слугам. Задача поставлена сложная, так как он сам изгнал из страны всех волшебников и гадателей, но «специалист по посмертным коммуникациям» все-таки находится, Саул, сменив царские одежды, направляется в Аэндор на встречу с волшебницей. «Тогда женщина спросила: кого же вывести тебе? И отвечал он: Самуила выведи мне. И увидела женщина Самуила и громко вскрикнула; и обратилась женщина к Саулу, говоря: зачем ты обманул меня? ты – Саул. И сказал ей царь: не бойся; что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли. Какой он видом? – спросил у неё [Саул]. Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился». Когда боги далеко, а средства исчерпаны, человек идет за помощью к «своюку за гранью». В кн. Исаяи мы видим даже своего рода «конкуренцию» между богом и умершими: «И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чревовещателям, - тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света.». Известна некромантия²⁵ и предшествовавшей Израиллю вавилонско-шумерской культуре. Гильгамеш, правда, обращается не к волшебнице, а непосредственно к богу мертвых: «Взломай могильный склеп и открой землю, дабы дух Эабани мог, подобно ветру, подняться вверх». Когда впервые человек стал вопрошать умершего, установить сложно, скорее всего, такая «двухсторонняя коммуникация» появляется с первыми культами умерших вождей и других лучших представителей общества, которые постепенно возвышаются до богов, обращение к которым нам привычно по сей день, это подтверждается и тем фактом, что

²⁵ Значение термина неопределенно, часто он применяется в узком смысле, как гадание по внутренностям, часто можно встретить его применение к черной магии вообще (в связи с подменой песго- nigro-), здесь я использую этот термин в широком значении, как «получение информации от мертвого», «вопросение мертвого».

большинство таких ритуалов сопровождается принесением жертв. Такой ритуал мы видим в Одиссее: «К берегу там мы пристали и, взявши овцу и барана, двинулись вдоль по течению реки Океана, покуда к месту тому не пришли, о котором сказала Цирцея. Жертвенный скот я держать Тримеду велел с Еврилохом, сам же, медный отточенный меч свой извлеки из ножен, выкопал яму. Была шириной и длиной она в локоть. Всем мертвецам возлиянье свершил я над этою ямой - раньше медовым напитком, потом - вином медосладким и напоследок - водой. И ячной посыпал мукою. Главам бессильных умерших молитву вознес я с обетом, в дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде, в жертву принести им и много в костер драгоценностей бросить, старцу ж Тиресию - в жертву принести одному лишь, отдельно, черного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана. Давши обет и почтивши молитвами племя умерших, взял я барана с овцой и над самую ямой зарезал. Черная кровь полилась, покинувши недра Эреба, к яме слетелися души людей, распрощавшихся с жизнью» - очень показательное описание не только самого ритуала, но и представлений о существовании мертвых вообще. Греки вообще достаточно часто обращаются к умершим, существуют даже специальные оракулы мертвых, расположенные обычно в местах, имевших сообщение с «подземным царством» через трещины земной поверхности или иные проходы. Такой оракул существовал, например, близ Аорнума в Фесгротии, другой – близ Гераклеи в Вифинии.

Не прочь «побеседовать» с представителями мира-по-ту-сторону и скандинавы, что отражает 12 песнь Одина в Речах Высокого: «Двенадцатым я, увидев на дереве в петле повисшего, так руны вырежу, так их окрашу, что он оживет и беседовать будет», здесь, правда, жертвоприношение уже выражено менее ярко, однако, обратим внимание, что Один говорит о рунах и их окрашивании, это окрашивание производилось кровью, сами же эти знаки, были не просто системой письма, а, как и многие древние алфавиты, наделялись магическими свойствами, являясь как бы «ключами доступа».

Развита некромантия и в древнем Китае, что, в общем-то, не удивительно, так как поклонение предкам там развилось гораздо сильнее, нежели поклонение богам. Так во многих произведениях средневековой китайской литературы имеются сцены вызова духов, при этом поразительно совпадают описания этих явлений в различных источниках, разделенных не только во времени, но и географически. В таких описаниях появлению духа предшествует холод и запах тлена, а сам дух можно видеть, а не только общаться с ним через «медиума». Еще в XIX в. многие этнографы фиксируют распространенность таких обрядов в Китае.

Наше собственное фольклорное наследие несет такие призывы:

Еще не так давно белорусы в день поминовения усопших призывали их к праздничному столу следующими словами:

«Святы дзяды завиом вас,
Хадзите до нас!
Иосцы тут усию, што бог дау,
Што я для вас ахвировау (т.е. приготовил)
Чим только хата богата!
Святы дзяды! Просим вас
Хадзите, ляцице до нас»²⁶

Такие призывания с угощением по особым дням были весьма распространены среди славянских народов еще в начале XX века. Так же встречаются и «личные» приглашения ко-столу, конкретных умерших. Примером такого действия может быть т.н. «Молчаливый ужин»: вдова накрывает стол на двоих и в ночное время происходит совместная трапеза с духом явившегося умершего мужа.

На протяжении всей истории человечества мы видим попытки контакта, и современность здесь не уступает «темному» средневековью. К умершим взывают шаманы, таинственные ритуалы западной магии Джона Ди и Эдварда Келли, сменяют ритуалы Леви, затем Энкосса, Кроули в начале

²⁶ По Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского славянина // Чтения в Императорском обществе истории древностей при Московском Университете, 1873г.

века не брезгает обращением к умершим, спиритизм Сведенборга уже несколько веков будоражит умы, даже «плоды прогресса» «приспосабливают» для коммуникации. Так в 1959г. Фридрихом Юргенсоном был «открыт» «феномен электронных голосов», получивший в последнее время огромную известность благодаря кинематографу.

В связи с обсуждаемой темой интересно отметить и одно противоречие, которое постепенно возникает. Наиболее ярко оно выражено в оккультизме, впитавшем в себя огромное количество верований, здесь смешалась вера в реинкарнацию, в загробное существование и вера в возможность контакта с умершим. Но в том то и парадокс: если душа ушла рождаться снова или пребывает в райских садах в вечном блаженстве, что тогда является на призыв? Древние и эту проблему решают блестяще. Египтяне выделяют Ка и Ба, одна душа уходит на небо, вторая продолжает существовать рядом с телом; Китайцы – По, существующий рядом с могилой, дань уважения которому отдается ежегодно, и Гуй, обитающий на небе, средством коммуникации с которым выступают дощечки с именами предков. Сразу три варианта посмертного существования души реализуются в верованиях современных «дикарей» азанде (Африка). У представителей этого народа не только выделяются душа «телесная», превращающаяся в тотемное животное после смерти носителя, и душа «психическая», ведущая призрачное существование у истоков рек, но еще и часть души, которая воплощается в потомке (правда, в отличие от тех же йоруба, которых мы приводили уже в пример, еще при жизни «донора»). При этом пол ребенка является признаком того, чья из родителей душа оказалась сильнее в момент зачатия, способности, тотемы и прочее наследуются в связи с этим, в зависимости от пола, не смотря на царящий в обществе азанде жесткий патриархат, который с большей вероятностью должен был бы предполагать наследование лишь мужской линии. В том же регионе племя ашанти верит, что человеку присущи душа-тень – саман, душа-дыхание – окра, душа-кровь – могья (душа телесная, получаемая от матери) и душа-личность – нторо

(личная сила, благополучие, удача, получаемые от отца). Нторо после смерти человека присоединяется к своей группе нторо, а могья становится духом-предком, сохраняя внешний облик человека и именуется уже саман, обитая в особом мире ожидает реинкарнации.

Интересно отметить в таком «многодушии», что высшее Я сохраняет обычно душа «психическая», отправляющаяся на небо (в другие отдаленные места обитания), она же и продолжает личную эволюцию. Душа же «телесная» выступает своего рода хранителем информации о прожитой человеком жизни, обитая призраком рядом с телом, ее чаще всего и вопрошают, так же именно она часто становится вредящим духом.

Количество одновременно реализуемых вариантов посмертного существования расширяется, при этом не вступая в противоречие. И тем не менее даже при таких широких перспективах загробного существования, человек по прежнему не торопится переселяться в мир предков.

4. Смерть ужасающая и поиск бессмертия.

Как бы прекрасен не был мир-по-ту-сторону, смерть пугает. Сделаешь то и то и «смертью умрешь» часто повторяется в текстах Библии, а в упомянутой нами чуть выше, книге Царств к смерти, как наказанию присоединяется еще и непогребение, в качестве его ужесточения, что, учитывая приведенный выше материал, действительно, выступает весомым аргументом. Зачем «переезжать», если и в этом мире все, в общем-то, весьма неплохо и привычно? Зачем расставаться с близкими? Это расставание на какое-то время компенсируется надеждой на последующую встречу, и все таки, человек делает выбор в пользу привычного, «родного» мира, мира, в котором не будет смерти.

Смерть часто назначает свидания, которые никого уже не оставляют прежним, мы вполне привыкли к смерти далекой, смотрящей на нас с экранов телевизора и передовиц газет, но когда эта госпожа является нам воочию меняется все. Все мы теряли кого-то из близких и вполне можем

вспомнить это состояние, даже смерть собственная, как трагедия, отступает куда-то на второй план, перед той, что несет столь болезненное расставание. И это переживание мы так же видим на протяжении практически всей истории человечества, как и попытки его осмысления.

Шумеры устраивают «рандеву со смертью» Гильгамешу. Она подходит столь близко, столь царственно вторгается в его жизнь, что изменяет ее полностью, великий герой не в силах спорить с ней, она просто берет то, что ей предназначено. Но герой и не бросается вдогонку за Энкиду в царство мертвых, как могли бы поступить носители описанных выше культур, напротив, он пытается избежать участи друга. «Гильгамеш о Эбани, своем друге, горько плачет и бежит через поле: значит и сам я умру, разве я не такой же, как Эбани? Жалобный страх вошел в мое сердце, смерти я ужаснулся и вот, я бегу через поле. К крепости Ут-напиштима, сына Убаратуту, я направляю свой путь, поспешно иду я. Горных ущелий достиг я ночью, львов увидел я и вот, мне страшно!». Вполне осознавая, что, не смотря ни на что, рожденный не минует смерти, он отправляется искать бессмертия богов, не знающих смерти, старости и болезней. В этом же эпосе мы видим вечную жизнь, как награду для избранных, которой удостаивается Утнапиштим и его жена, то есть, вечная жизнь считается вполне возможной. Подобный, в этом отношении, сюжет можно видеть и в книге Пополь-Вух²⁷: Близнецы Хун-Апу и Шабаланке получают приглашение в Шибальбу (мир мертвых). Преодолев различные препятствия и достигнув этого мира они узнают имена его правителей. Правители подвергают близнецов серии испытаний, которые те выдерживают, но один из близнецов все же встречается со смертью, другой находит способ его воскресить. Таким образом, близнецы, осознав неизбежность смерти, узнав секрет воскрешения, близнецы добиваются того, чтобы их умертвили определенным образом, который позволял бы им потом воскреснуть и победить смерть. Воскреснув, они одерживают победу над правителями Шибальбы.

²⁷ «Книга народа» - священная книга, созданная народом майя-киче, насчитывающая 8500 страниц.

Интересно отметить предусмотрительность авторов, не достаточно просто вечной жизни, она обязательно должна быть совмещена еще и с вечной молодостью и здоровьем, дабы не превратиться в страдание. Продолжают развивать этот сюжет и древние греки, так же подчеркивая важность молодости, как спутницы бессмертия. В мифе об Эос и Тифоне боги выполняют просьбу Эос о даровании вечной жизни ее возлюбленному, но не даруют ему вечной молодости. Есть и еще один, не обязательный, но частый спутник бессмертия, его мы встречаем, например, в стране У-ци – стране людей без потомства, которую жители древнего Китая располагали в Северо-Западной пустыне. Населявшие эту страну не обладали даже полом, еще очень примечательно, что они все таки вынуждены были «умирать», но не навсегда, а на 120 лет, на этот период их закапывали в землю, по прошествии же срока они возвращались к жизни. Вот так изящно мир с бессмертием был подогнан под обычный мир с его цикличностью, а так же избавлен от перенаселения.

Вообще идея бессмертия в древнем Китае была, наверное, популярнее, чем где-либо еще. Одним из первых, если не первым, ее разрабатывает Чжуан-цзы в своих притчах, там фантастическим долголетием или бессмертием обладают отшельники и люди, наделенные святостью, то есть приближенные к миру духовному. На рубеже эр, в эпоху Хань, поиски бессмертия становятся чуть ли не единственным занятием ученых мужей Китая, например, император У-ди окружает себя для этой цели магами и кудесниками, которые изготавливали различные тайные снадобья. Мы имеем достаточно большое разнообразие рецептов чудесных эликсиров и составов, например, в книге Гэ Хуна «Бао Пу-цзы» рекомендовалось взять жабу, которая прожила десять тысяч лет, и летучую мышь, которая прожила тысячу лет, высушить их в тени, растолочь в порошок и принимать внутрь, - тогда можно прожить до сорока тысяч лет». Персы прибегают к методам, которые напоминают методы, применявшиеся у народов Европы, Востока и, в более позднее время, Африки, когда для восстановления некой чудесной

силы, присущей вождю и им по каким-то причинам утраченной, прибегали к жертвоприношениям, как бы передавая силу, аналогично «возвращению крови» богам. Так рекомендовалось «взять человека рыжего и веснушчатого и кормить его плодами до тридцати лет, а затем опустить его в каменный сосуд с медом и другими составами, заключить этот сосуд в обручи и герметически закупорить». Существенным недостатком метода было то, что выдерживать это «снадобье» надо было 120 лет, после чего его так же, как и предыдущее, употребляли внутрь. Судя по применению меда, а так же по тому, что человек должен быть обязательно рыжим, бессмертие связывали с солнцем. Такие же символы красоты, яркости, богатства применяются в составе эликсира бессмертия, составленного личным врачом папы Бонифация VIII: «надо смешать в измельченном виде золото, жемчуг, изумруды, рубины, топазы, белые и красные кораллы, слоновую кость...». В Китае применяется нефритовая пудра, так же употребляемая внутрь, не сложно догадаться, что применение таких средств внутрь не то, что не отсрочит смерть, а весьма поспособствует ее приближению, что мы и видим на печальном примере императора Сюаньцзуна, который имел неосторожность принять один из таких эликсиров, и обрел бессмертие уже в ином мире.

Не трудно заметить, что эти приемы (как и средства лечения болезней в средневековье) весьма близки, можно сказать идентичны, приемам симпатической магии. В древности человек мыслил не столько свойствами, сколько ассоциациями, связями, аналогиями, подобное «связывание» и применение предметов до сих пор используется, например, в оккультных практиках. И включал он в элексиры, разумеется, все лучшее, красивое и возвышенное, как сама мечта о бессмертии и вечном блаженстве, этакая «материализация рая».

Был и другой способ достигнуть бессмертия. Для этого требовалось посетить определенное место, где произрастал некий плод, растение. В том же Китае, это владение богини Сиванму, чудесный сад, где растут плоды

бессмертия. Такими плодами питались обычно бессмертные боги, уже упомянутый император У-ди, кроме разработок его придворных магов, так же искал чудесные персики, отведав которые можно было самому стать бессмертным. Такие сады и плоды мы видим в мифологии различных народов, и все таки, дело, как мне кажется, не столько в таких плодах, сколько в самом путешествии к ним. Это посещение сакральной области, действия не в мире обыденном, пользуясь терминами М. Элиаде, профаном, а в мире сакральном. Именно такое «возвышение над бренностью бытия» выражают и «эликсиры бессмертия» и «путешествие в мир богов» – это обретение некоего состояния приобщенности к прекрасному, божественному, духовному, и отделенности от мира обыденного, таким образом, мы возвращаемся к тому образу отшельников, с которого мы начали рассмотрение вопроса, обладающих святостью, обеспечивающей бессмертие.

Так бессмертие души проецируется на мир физический. Образы «бессмертных», окутанные мистическим туманом, всплывают в человеческой истории постоянно, например, Калиостро или Сен-Жермен, которые, якобы, владели секретом эликсира бессмертия, но наиболее интересен образ Агасфера, широко известного как Вечный Жид. Начав свой путь во времена Иешуа, он появляется то здесь, то там, так в Испании его встречает астролог Гвидо Бонатти в 1223г., в 1228г. он упоминается в записи аббатства св. Альбана (описывается, что он посетил Армению), в 1242 г. он уже во Франции, исчезнув более чем на 2 века, в 1505 – в Богемии, в 1547 его видят на Арабском Востоке, в 1547 – он снова в Европе, 1575, 1599, 1603, 1604, 1633, 1640, 1642, 1958, за каждым этим годом стоит свидетельство, в XVII в. он даже выдерживает экзамен у профессоров Оксфорда и Кембриджа и показывает уникальное знание древней истории, говорит на многих языках, причем, без малейшего акцента, происходит еще несколько его появлений в веке XIX, затем он снова надолго исчезает. Случай этот интересен тем, что бессмертие здесь обретает вид наказания: жестокий иудей во время шествия Иешуа к Голгофе не позволил ему прислониться к стене своего дома, чтобы

передохнуть, за что и был обречен на вечное скитание без надежды обрести покой.

И все же, не смотря на такие «свидетельства», которые более уместно было бы именовать легендами, бессмертие, по крайней мере, физическое, обрести еще никому не удалось, хотя его поиски ведутся до сих пор. Наука официальная и просто энтузиасты совершенно различных мировоззрений и направлений деятельности не устают работать над проблемой бессмертия и, конечно же, вечной молодости, без которой оно теряет смысл и превращается в продление старости и страдания. А пока оно не достигнуто, человек нашел иной способ его обретения.

Мы уже упоминали в самом начале, что появление первых погребений, практически, насколько об этом можно судить, совпадает с появлением первых «предметов искусства». Конечно, вполне может быть, что сами погребения выступали как объекты реализации творческого потенциала, в которой появилась потребность на определенном этапе развития, но такое сочетание само по себе очень интересно. Человек, будучи смертным, начинает жить в искусстве, выражая себя и свой мир в предметах более долговечных, нежели он сам, в предметах, которыми он «говорит» с нами до сих пор. Бессмертие обретается в контакте с высшим и прекрасным, искусство, красота – воплощение этого высшего и прекрасного.

Постепенно, огромное значение приобретает память, до сих пор мы применяем эту формулу «вечная память», провожая умершего в его «последний путь». До сих пор, испытывая глубинный страх перед умершим, и всем, что с ним связано, мы окружаем себя памятными предметами, связывающими нас с ним, дуализм отношения, свойственный еще неандертальцу никуда не делся. Многие из нас держат дома фотографии умерших близких, людей, которые были нам дороги. В XIX веке была распространена интересная традиция делать фотографии умерших. В основном это были дети, отчаявшиеся родители, в попытке увековечить свое чадо, даже соглашались на то, чтобы мертвому ребенку нарисовали

естественное лицо, возникла такая традиция в Америке, но постепенно попала и в Россию. Умершим родственникам придавали позы, обычные для живых людей, открывали глаза, усаживали, часто такие фото были «семейными» (вокруг умершего собирались близкие, получалось фото, аналогичное обычному). Так люди использовали последний шанс сохранить образ того, кто покидал их навсегда, некоторые считали, что в этой фотографии будет жить душа умершего. Но фотография – изобретение сравнительно недавнее, однако, сохранение образа намного старше. Думаю, уместно будет здесь вспомнить о таких известных находках, как черепа, обнаруженные в Иерихоне. Их назначение пока не совсем ясно исследователям, но то сходство с умершими, которое им старательно придавали, позволяет предположить, что частично они выполняли ту же функцию, что и фотографии. Постепенно же, утрачивая черты сходства, становясь более абстрактными изображениями они приобретают вид, который с большой долей вероятности позволяет предположить, что их назначение было близко к неким алтарям для передачи жертв. Такую же функцию имеют дощечки с именем умершего, распространенные в Китае до нашего времени.

Смерть, самое, казалось бы, пугающее и неизбежное, то, от чего пытается всячески отгородиться человек, он в то же время, всегда держит рядом, постоянно напоминая себе о ней. Ничто так не завораживает нас как смерть, на экране, в искусстве, везде, где только можно, она всегда рядом. Мы строим кладбища и мемориалы, мы постоянно проживаем чужую смерть, и панически пугаемся, когда видим ее воочию, еще и еще раз осознавая, что она реальна, что, как верно отметил Булгаков, «человек смертен, хуже того, он еще и внезапно смертен». И мы тянемся к смерти постоянно, она оживляет в нас самые глубинные, потаенные, скрытые даже от нас самих переживания, рудименты древности в нашей душе, которые сохранились в ней, подобно рудиментам тела, ставшим ненужными в процессе его развития. Именно пережиток представлений древних о том, что души пребывали вблизи

селения или собственных могил, сохраненный нашей «душой», делает из кладбища в полночь место, где некомфортно себя ощущает и наш современник, не зависимо от того, является ли он атеистом, не признающим посмертного существования, или добрым христианином, считающим, что душа покинула землю и отправилась в «царствие небесное». Она подобна магниту, притягивая, так, что этому не возможно противостоять и отталкивая так, что с этим невозможно бороться.

Заключение.

«Смерть совершенно не тревожит воображение мое, пока я есмь – не может быть ее, есть она, меня уж быть не может»²⁸

В рамках данной работы мы рассмотрели достаточно важную тему, которая позволяет нам, как познакомиться ближе с людьми, жившими тысячелетия назад, так и ответить на собственные вопросы, которые волнуют нас так же, как волновали людей ушедших эпох.

Тема настолько обширна, что для ее рассмотрения на должном уровне не стоит и думать уложиться в объемы курсовой работы, по этой причине, было затронуто лишь небольшое количество вопросов, имеющих к ней отношение, да и те рассмотрены весьма поверхностно. Данная работа получилась не совсем исследованием, возможно, это и правильно, так как о такой теме сложно писать академическим языком, смерть и еще, пожалуй, любовь, два основных «двигателя», вскрывающих в человеке его творческий потенциал, возвышающие его, как ни каким другим чувствам не под силу.

²⁸ Выражение Эпикура, переданное в эпиграмме Жана-Франсуа Гишара.

В настоящее время смерть изучается не только медиками и биологами, ей занимаются и этнографы, так как, погребальные обряды, связанные со смертью мифы и фольклор являются важным пластом, необходимым для понимания культуры и традиций, не чужда эта проблема и археологам, постоянно работающим с останками и пытающимся на основании материальных свидетельств реконструировать быт и занятия древних людей, исследователи литературного наследия так же постоянно встречаются с ней, много внимания смерти уделяют и философы. Но тема эта актуальна не только для специалистов, эта тема волнует каждого, рано или поздно что-либо сподвигает человека задуматься над вопросом смерти. Это сильнейшая тема всех времен и у всех народов, порой эта Госпожа полностью захватывает сознание людей, порой, напротив (как происходит в современном обществе) скрывается, правда, здесь точнее было бы сказать, что это люди скрываются от нее.

Мы познакомились с основными взглядами на смерть, однако, все они основаны на неколебимой вере в загробное существование, в то, что жизнь не заканчивается со смертью физического носителя души – тела. Есть еще и другой полюс представлений человека о смерти, для которого «жизнь есть способ существования белковых тел», «прекращающийся с распадом белка», однако, эта точка зрения не была рассмотрена в данной работе по вполне понятным причинам.

Впрочем, не зависимо от взглядов и убеждений, смерть, это единственная определенность, не зависимо от цвета кожи, принадлежности к эпохе, культуре, положения и развития, она приходит к каждому, не пропуская никого, а потому можно быть уверенным лишь в одном: у каждого из нас рано или поздно будет шанс проверить наличие или отсутствие посмертного существования на собственном опыте.

Литература:

1. Яблоков И. Н. История религии, издание второе исправленное и дополненное. М.: 2004г.

2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: 2007г.
3. Рязанцев С. Танатология: наука о смерти. М.: 2004г.
4. Тибетская Книга Мертвых. М.: 2006г.
5. Басаргина Е. Тайны загробной жизни. М.: 2007г.
6. Барсов Е. Р. Причитания северного края. 1872г.
7. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: 1869г.
8. Авдеева Е. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб: 1842г.
9. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб: 1870г.
10. Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев-Посад: 1913г.
11. Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского славянина // чтения в императорском обществе истории древностей при Московском Университете, 1873г.